Елена Петровна Блаватская: биографический очерк

Елена Федоровна Писарева

SHOUT
SHARE
IT

- Елена Петровна Блаватская
  - Глава 1. Введение
  - Глава 2. Первый период
  - Глава 3. Второй период
  - Глава 4. Третий период
  - Глава 5. Мировое значение Е. П. Блаватской
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

Елена Петровна Блаватская (Биографический очерк Е. Ф. Писаревой)

Любовью и враждой окружена, —
В сердцах людских останется она.

Шиллер

Глава 1. Введение

Трудно себе представить что-либо необычайнее и несправедливее того упорного непонимания и даже враждебности, с которыми русское образованное общество продолжает относиться к своей гениальной соотечественнице Елене Петровне Блаватской.

Прошло уже 18 лет со дня ее смерти, а с основания ею Теософского общества более 30 лет,[1] срок, совершенно достаточный для того, чтобы вызвать серьезные расследования относительно деятельности и трудов этой русской женщины, которая боролась с такой неукротимой силой против сковавшего человеческую мысль материализма, которая вдохновила столько благородных умов и сумела создать духовное движение, продолжающее расти, развиваться и оказывать влияние на сознание современников. Плоды ее деятельности на виду, и только по ним можно сделать истинную оценку Е. П. Блаватской: она первая обнародовала сокровенные учения, на которых основаны все религии, и первая сделала попытку дать религиозно-философский синтез всех веков и народов; она вызвала пробуждение религиозного сознания древнего Востока и создала международный братский Союз, в основу которого положены уважение к человеческой мысли, на каком бы языке она ни выражалась, широкая терпимость ко всем членам единой человеческой семьи и стремление воплотить не мечтательный, а конкретный идеализм, проникающий во все области жизни. Перед такими плодами должны бы умолкнуть всякая вражда и возникнуть глубокий интерес к необычайным силам той души, которая смогла дать такой могучий толчок человеческой мысли. А между тем, имя Е. П. Блаватской продолжает вызывать в России по-прежнему недоверие, и до сих пор не нашлось ни одного значительного голоса, чтобы сказать веское слово в пользу той, которая, по справедливости, должна бы быть славой и гордостью своей родины.

Из всех ее литературных трудов, благодаря которым Западная Европа впервые познакомилась с сокровенными учениями древнего Востока, в России только в прошлом году появился первый перевод ее «Голоса Безмолвия», и до сих пор ее литературное имя соединяется у нас только с очерками об Индии, которые, под псевдонимом Радда-Бай, названные «Из пещер и дебрей Индостана», печатались в «Русском Вестнике», если не ошибаюсь, в начале восьмидесятых годов. И все, что мне удалось найти в русской литературе по поводу Елены Петровны,

ограничивается враждебным памфлетом романиста Всеволода Соловьева «Разоблаченная жрица Изиды», его же статьей противоположного характера в «Ребусе» за июль 1884 г. да двумя статьями в словаре Венгерова; одна из них, из третьих рук составленная биографическая статья, не имеющая никакой ценности, а другая — заметка Владимира Соловьева, основанная на чистейшем недоразумении, о котором речь впереди. Если к этому прибавить малоизвестный биографический очерк ее родной сестры Веры Петровны Желиховской, напечатанный в «Русском Обозрении» в 1891 г., ее же книгу, написанную в ответ на упомянутый памфлет Всеволода Соловьева, «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины» и две ее статьи в «Ребусе» за 1881—82 гг. — вот и все материалы на русском языке, касающиеся Е. П. Блаватской.

Несравненно приятнее было бы совсем не касаться названной книги Всеволода Соловьева, которая отмечена такой печатью предательства, что, читая ее, становится неловко, словно сам участвуешь в очень нехорошем деле. Но она сыграла слишком роковую роль во мнении русского общества относительно Е. П. Блаватской; бойко и ярко написанная, она многими была прочтена, и так как очерненную Елену Петровну на родине совсем не знали и защититься из могилы она не могла, — пущенная клевета обошла беспрепятственно всю Россию, и одни — из его книги, а другие — понаслышке от читавших ту же книгу, стали утверждать, что Е. П. Блаватская — уличенная обманщица, и учения ее, идущие из такого мутного источника, не могут быть чистыми. Но самое опасное в этой дурной книге то, что она опирается на «документы». Благодаря этому, даже разборчивые люди, возмущенные тоном книги, все же подпадают под ее влияние. Ценность главного документа, — «Отчета Общества психических исследований», мы разберем позднее, а теперь необходимо сказать несколько слов о приемах Всеволода Соловьева. Чтобы напасть с оскорблениями на женщину, которая — по его же словам — относилась к нему с материнской лаской, он дождался ее смерти и, по странному недосмотру, издал свою статью в России и на русском языке, тогда как, по его же словам, похвальной целью этой книги было — охранить доверчивых людей от губительного влияния Е. П. Б. Поэтому нужно думать, что книга его назначалась не для русских, которые совсем не знали Е. П. Б. и не могли даже пользоваться ее сочинениями и по условиям тогдашней цензуры, и потому, что они были написаны на английском языке, — а для тех, которые или уже подпали, или могли легко подпасть под ее губительное влияние, т. е. для англичан. Но этого мало: надеясь, что его русская книга не

дойдет до англичан, он сослался в ней на двух живых свидетелей, г-жу Купер-Окли и г-на Гебхарда, хорошо знавших Елену Петровну; но он ошибся в расчете, и они утверждают, что он ссылался на них ложно. Ввиду этого, нужно с большой осторожностью относиться и к главному «документу» его книги, т. е. к письмам Е. П. Б., большая часть которых приведена без всякой даты. Что стоило, при таком бесцеремонном отношении к истине, сделать легкие изменения, которые могли совершенно изменить смысл письма? Во всяком случае всех, читавших книгу Соловьева, убедительно прошу во имя справедливости к русской женщине, горячо любившей свою родину, и к теософам всего мира, которым дорого ее имя, прочесть ответ В. П. Желиховской «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины» и книгу А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости». Последняя книга — подробное, подкрепленное многочисленными живыми свидетелями расследование на месте, т. е. в Адьоре, наделавшего когда-то много шума следствия г-на Ходжсона, напечатанного в отчете Лондонского общества психических исследований.

Когда мне пришлось впервые познакомиться с теософией, а затем и с главным трудом Е. П. Блаватской «Тайная Доктрина», меня сразу поразило полное несоответствие между развернувшейся передо мной большой величиной и тем — до странности неподходящим представлением, которое упорно сохраняется в русском обществе, как относительно самого теософского движения, так и относительно его создательницы. Это вызвало во мне решимость как можно основательнее познакомиться с ее жизнью и трудами и выяснить, насколько возможно, истинный образ той, которая сумела вызвать к себе все оттенки человеческих чувств, от обожания до ненависти, от глубокого почитания до презрительной насмешки включительно. С тех пор прошло несколько лет и мне не только удалось познакомиться приблизительно со всем, что было написано о ней, но и лично узнать наиболее значительных из ее учеников, как А. Безант, Джорж Мид, г-жа Купер-Окли, Бертрам Китлей, Гюббе-Шлейден и др. Одновременно с этим я продолжала изучать ее сочинения и многочисленные комментарии к ее Тайной Доктрине, из которых образовалась обширная литература на трех европейских языках. И чем более я знакомилась со всеми материалами, тем яснее становилось для меня, что для истинной биографии Е. П. Блаватской, которая передала бы ее верный образ, время еще не пришло. Ее необыкновенная психическая организация, проявлявшая такие силы, которые у огромного большинства людей находятся еще в скрытом состоянии, — настолько опередила тип современного интеллигентного

человека, что разгадать ее вполне и безошибочно определить ее свойства будет в состоянии лишь психология будущего. История говорит, что и прежде появлялись время от времени люди, одаренные неведомыми для остальных людей силами, как Калиостро, Яков Бёме, Сведенборг и др., но разница между ними и г-жой Блаватской огромная: те жили в иные времена, когда общение между людьми было медленное и трудно проверяемое, а критический анализ находился еще в зачатке, и до нас могли дойти только смутные легенды об их чудесных силах. Елена Петровна появляется на сцене жизни в такое время, когда умственное общение обегает земной шар с необычайной быстротой, когда каждое сколько-нибудь выдающееся явление делается немедленно достоянием всего мира; и жила Елена Петровна — последовательно в трех частях света — совершенно открыто, принимала у себя всех, кто только желал ее видеть, была лично известна множеству людей всех национальностей и профессий. Ее знали многие ученые Америки, Азии и Европы. И сама она, и ее жизнь, и ее так называемые чудеса, были у всех на виду. Замолчать ее или отделаться смутными легендами было уже невозможно. Но и до сих пор мало кто сознает, что не только принесенные ею с Востока учения, но и она сама, ее личность, ее необычайные психические свойства представляют для нашей эпохи явление величайшей важности. Она — не теория, а факт. И факт этот говорит слишком настоятельно, что наука должна широко раздвинуть свои границы, принять в свои пределы не только физические, но и сверхфизические явления, и рядом с эволюцией формы признать и эволюцию психическую и духовную, или же — сложить оружие и объявить себя бессильной перед явлениями высшего порядка. С этой точки зрения, т. е. как явление по внутренним своим свойствам далеко опередившее свое время и дающее глубоко интересные указания на будущие линии человеческого развития, Елена Петровна должна бы представлять огромный интерес для современных психологов; как этот интерес проявился в действительности, мы увидим далее из отчета Лондонского «ученого» Общества психических исследований; иного проявления со стороны присяжных ученых во всех собранных мною материалах мне не попадалось.

Когда сталкиваешься с воспоминаниями и отзывами знавших Елену Петровну людей, как друзей, так и врагов, или когда расспрашиваешь живых свидетелей ее жизни, более всего поражаешься разнообразием их мнений, словно перед вами проходит не одна, а множество личностей с одним и тем же именем «Елена Петровна Блаватская». Для одних она — великое существо, открывающее миру новые пути, для других — вредная

разрушительница религии, для одних — увлекательная и блестящая собеседница, для других — туманная толковательница непонятной метафизики; то — великое сердце, полное безграничной жалости ко всему страдающему, то — душа, не знающая пощады, то — ясновидящая, проникающая до дна души, то — наивно доверяющая первому встречному; одни говорят о ее безграничном терпении, другие о ее необузданной вспыльчивости и т. д. до бесконечности. И нет тех ярких признаков человеческой души, которые бы не соединялись с именем этой необыкновенной женщины.

Никто не знал ее всю, со всеми ее свойствами. Одиночество ее доходило до того, что даже самые близкие, дорогие люди относились с недоумением и даже с недоверием к ее свойствам. Трагизм этого одиночества бросается в глаза, когда читаешь биографический очерк, написанный ее горячо любимой сестрой: рядом с добрым чувством, сколько в нем недоумения, а порой смущения, сколько вынужденного доверия только потому, что она видела «неопровержимые доказательства»… и какое удивление прорывается у этой любящей сестры, когда она встречается с очень высокой оценкой ее личности. Как ей хочется извиниться и сказать: «Ну, это уж слишком!»

И это вполне естественно. Свойства ее выходили из обычного уровня настолько, что были слишком чужды для огромного большинства. Кто-то сказал про нее, что «она поднималась на высоты, где способны парить одни орлы человечества, и кто не в силах был подняться вместе с ней, тот видел лишь пыль ее подошв». Даже ближайший ее сотрудник и помощник, полковник Олькотт, признается в своем дневнике, что, несмотря на многие годы совместной жизни, он до конца не мог ответить на часто задаваемый себе вопрос: кто была Елена Петровна? До того не поддавалась никаким установленным определениям ее многогранная натура, до того необычайны были многие ее свойства и проявления. Но в некоторых определениях сходятся все, знавшие ее: все утверждают, что она обладала необычайной душевной силой, подчинявшей себе все окружающее, что она была способна на невероятный труд и сверхчеловеческое терпение, когда дело шло о служении идее, об исполнении воли Учителя; и также единодушно сходятся все на том, что она обладала поразительной, не знавшей границ, искренностью. Искренность эта сказывается в каждом проявлении ее пламенной души, никогда не останавливавшейся перед тем, что о ней подумают, как отнесутся к ее словам и поступкам, она сказывается в необдуманных выражениях ее писем, она сквозит в каждой подробности ее бурной, многострадальной жизни.

Искренность ее и доверчивость доходили до размеров совершенно необычайных для души, собравшей такое небывалое в истории разнообразие жизненного опыта: начиная с впечатлений светской русской девушки времен крепостного права и затем — совершенно сказочных переживаний в Индии и Тибете в роли ученицы восточных мудрецов до не менее необычайного положения духовного учителя и провозвестника древней Мудрости среди высоко культурных англичан в самом трезвом из европейских центров — Лондоне.

Одна из черт Елены Петровны, которая для близких людей представляла необыкновенную привлекательность, но в то же время могла сильно повредить ей, был ее меткий, блестящий юмор, большей частью добродушный, но иногда и задевавший мелкие самолюбия.

Знавшие ее в более молодые годы вспоминают с восторгом ее неистощимо веселый, задорный, сверкающий остроумием разговор. Она любила пошутить, подразнить, вызвать переполох. Ее племянница, Надежда Владимировна Желиховская, сообщает: «У тети была удивительная черта: ради шутки и красного словца она могла насочинять на себя что угодно. Мы иногда хохотали до истерики при ее разговорах с репортерами и интервьюерами в Лондоне. Мама ее останавливала: „Зачем ты все это сочиняешь?“ — А ну их, ведь все они голь перекатная, пусть заработают детишкам на молочишко! — А иногда и знакомым своим теософам в веселые минуты рассказывала, просто для смеха, разные небывальщины. Тогда мы смеялись, — но с людской тупостью, которая шуток не понимает, из этого произошло много путаницы и „неприятностей“. Не только „неприятностей“, но весьма возможно, что из тех, которые не понимают шуток, бывали и задетые ее шутками, и те переходили в лагерь ее врагов.»

Врагов ее можно разделить на две категории: на врагов ее учения и на личных недоброжелателей. Из числа первых самыми ярыми были миссионеры, жившие в Индии, влияние которых подрывалось ее стремлением объединить в общем эзотеризме все древнеарийские верования и доказать происхождение всех религий из единого божественного источника. Наряду с миссионерами, врагами ее были и правоверные спириты, учения которых она подрывала и в многочисленных статьях, и в устных беседах, никогда не стесняясь — по своему обыкновению — в выражениях. Ее личными врагами была и та часть английского общества в Индии, которую она уже по свойству своей свободолюбивой, ненавидевшей этикет натуры должна была шокировать и которые не могли ей простить, что она

предпочитала им общение с презренными в их глазах индусами; кроме того, ее врагами являлись и все те, которые подходили к ней с корыстными целями, и, неудовлетворенные в своем желании получить от нее оккультные знания, благодаря которым она проявляла свои «чудеса», — уходили от нее с затаенной враждой. Результатом всей этой вражды и явился нашумевший так сильно процесс Куломбов-Паттерсона-Ходжсона. Но о нем речь впереди, а теперь я приведу вкратце те биографические данные, которые мне удалось проверить благодаря любезному содействию ее ближайших родственников.

Всю жизнь ее можно разделить на три ясно разграниченные периода. Детство и юность со дня рождения в 1831 году и до замужества в 1848 г. составляют первый период; второй — таинственные годы, по поводу которых не имеется почти никаких определенных данных, длившийся, с четырехлетним перерывом, когда она приезжала к своим родственникам в Россию, более 20 лет, начиная с 1848 года по 1872 год, и третий период с 1872 года до смерти, проведенный в Америке, Индии, а последние шесть лет в Европе, среди многочисленных свидетелей, близко знавших Елену Петровну. Относительно этого последнего периода существует много биографических очерков и статей, написанных близко знавшими ее людьми.

Глава 2. Первый период Детство Е. П. Блаватской

Относительно внешних условий детства Елены Петровны мы можем получить достаточно ясное представление из двух книг ее родной сестры В. П. Желиховской — «Как я была маленькая» и «Мое отрочество», в которых она описывает свое семью, но из них нельзя вынести почти никакого представления о характере и переживаниях самой Елены Петровны в детстве. Объясняется это отчасти тем, что Вера Петровна была моложе на четыре года и не могла сознательно наблюдать за сестрой, которая, судя по ее же рассказам, как старшая, жила совершенно отдельной жизнью; кроме того, в 30-х годах прошлого столетия, когда протекало детство обеих сестер, на сверхнормальные психические силы ребенка должны были смотреть, как на нечто очень нежелательное, и от посторонних и от других детей той же семьи они должны были тщательно скрываться. Другой источник, книга Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской», дает несколько очень интересных подробностей, но автор писал свою книгу, основываясь на случайных рассказах Елены Петровны, и насколько верно он запомнил и точно передал ее слова — это проверить трудно.

Что касается юности Е. П. до ее раннего брака в 1848 году, об этом периоде ее жизни не сохранилось почти никаких сведений.

Из сверстниц Елены Петровны ее родная тетка, Надежда Андреевна Фадеева, которая только на три года старше Елены Петровны и жила с ней в самой интимной близости, когда обе были еще детьми; подтверждает необыкновенные явления, окружавшие Елену Петровну в детстве, и в письме,[2] помеченном: «Одесса 8-20 мая 1877 года», она высказывается так: «Феномены, производимые медиумическими силами моей племянницы Елены — чрезвычайно замечательны, истинные чудеса, но они не единственные. Много раз слышала я и читала в книгах, относящихся к спиритуализму, и священных и светских, поразительные отчеты о явлениях, схожих с описываемыми Вами, но то были отдельные случаи. Но столько сил, сосредоточенных в одной личности, соединение самых необычайных проявлений, идущих из одного и того же источника, как у нее, это, конечно, небывалый случай, возможно и не имеющий равных себе. Я давно знала, что она владеет величайшими медиумическими силами, но, когда она была с нами, силы эти не достигали такой степени, какой они достигли теперь. Моя племянница Елена совсем особое

существо и ее нельзя сравнивать ни с кем. Как ребенок, как молодая девушка, как женщина, она всегда была настолько выше окружавшей ее среды, что никогда не могла быть оцененной по достоинству. Она была воспитана как девушка из хорошей семьи, но об учености не было даже и речи. Но необыкновенное богатство ее умственных способностей, тонкость и быстрота ее мысли, изумительная легкость, с которой она понимала, схватывала и усваивала наиболее трудные предметы, необыкновенно развитый ум, соединенный с характером рыцарским, прямым, энергичным и открытым, — вот что поднимало ее так высоко над уровнем обыкновенного человеческого общества и не могло не привлекать к ней общего внимания, следовательно и зависти и вражды всех, кто в своем ничтожестве не выносил блеска и даров этой поистине удивительной натуры».

Физическая наследственность Елены Петровны интересна в том отношении, что среди ее ближайших предков были представители исторических родов Франции, Германии и России. По отцу она происходила от владетельных Мекленбургских князей Ган фон Роттенштейн-Ган. Со стороны матери — прабабушка Елены Петровны была урожденная Бандре-дю-Плесси — внучка эмигранта-гугенота, вынужденного покинуть Францию вследствие религиозных гонений. Она вышла в 1787 году замуж за князя Павла Васильевича Долгорукого, и дочь их, княжна Елена Павловна Долгорукая, в замужестве за Андреем Михайловичем Фадеевым, была родная бабушка Елены Петровны и сама воспитывала рано осиротевших внучек. Она оставила по себе память замечательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учености; она переписывалась со многими учеными, между прочим с президентом Лондонского географического общества Мурчисоном, с известными ботаниками и минералогами, один из которых (Гомер-де-Гель) назвал в честь ее найденную им ископаемую раковину Venus-Fadeeff. Она владела пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всех отношениях выдающейся женщиной. Дочь свою Елену Андреевну, рано умершую мать Елены Петровны, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру; Елена Андреевна писала повести и романы под псевдонимом Зинаиды Р. и была очень популярна в начале сороковых годов; ее ранняя смерть вызвала всеобщее сожаление, и Белинский посвятил ей несколько хвалебных страниц, назвав её «русской Жорж-Занд».

О семье Фадеевых мне пришлось много слышать от Марьи Григорьевны Ермоловой, обладавшей необыкновенно отчетливой

памятью и знавшей хорошо всю семью, когда последняя жила в Тифлисе, где муж г-жи Ермоловой был губернатором в сороковых годах 19-го столетия. По ее отзывам, юная тогда Елена Петровна была блестящая девушка, но крайне своевольная, никому и ничему не подчинявшаяся, а семья ее дедушки пользовалась прекрасной репутацией, и бабушку Елены Петровны ставили так высоко за ее выдающиеся качества, что «невзирая на то, что сама она ни у кого не бывала, весь город являлся к ней на поклон». У Фадеевых, кроме дочери Елены, матери Елены Петровны Блаватской, вышедшей замуж за артиллерийского офицера Гана, и другой дочери, в замужестве Витте, были еще дочь Надежда Андреевна и сын Ростислав Андреевич Фадеев,[3] которых Елена Петровна так горячо любила, что, по мнению ее биографа Олькотта, они и ее сестра Вера Петровна Желиховская с детьми были ее единственной привязанностью на земле.

В семье своего дедушки Фадеева рано осиротевшая Елена Петровна провела большую часть детства, сперва в Саратове, где он был губернатором, а позднее в Тифлисе. Судя по тому, что дошло до нас, детство ее было чрезвычайно светлое и радостное. На лето вся семья переезжала на губернаторскую дачу — большой старинный дом, окруженный садом, с таинственными уголками, прудами и глубоким оврагом, за которым темнел спускавшийся к Волге лес. Вся природа жила для пылкой девочки особой таинственной жизнью; часто разговаривала она с птицами, животными и невидимыми товарищами ее игр; она очень оживленно говорила с ними и иногда начинала громко смеяться, забавляясь их, никому кроме нее невидимыми смешными проделками, а когда наступала зима, необыкновенный кабинет ее ученой бабушки представлял такой интересный мир, который способен был воспламенить и не столь живое воображение. В этом кабинете было много диковинных вещей: стояли чучела разных зверей, виднелись оскаленные головы медведей и тигров, на одной стене пестрели, как яркие цветы, прелестные маленькие колибри, на другой — как живые, сидели совы, соколы и ястребы, а над ними, под самым по толком, распростер крылья огромный орел. Но страшнее всех был белый фламинго, вытягивавший длинную шею совсем как живой. Когда дети приходили в бабушкин кабинет, они садились на набитого черного моржа или на белого тюленя, и в сумерки им казалось, что все эти звери начинали шевелиться, и много страшных и увлекательных историй рассказывала про них маленькая Елена Петровна, особенно про белого фламинго, крылья которого казались обрызганными кровью. Из всех воспоминаний В. П. Ж. о детстве Елены Петровны для нас, живущих в эпоху, когда знание скрытой

психической природы человека значительно расширилось, делается ясным, что в детстве Елена Петровна обладала ясновидением; невидимый для обыкновенных людей астральный мир был для нее открыт, и она жила наяву двойной жизнью: общей для всех физической и видимой только для нее одной. Кроме того, она должна была обладать сильно выраженными психометрическими способностями, о которых в те времена на Западе не имели никакого представления. Когда она, сидя на спине белого тюленя и поглаживая его шерсть, рассказывала детям своей семьи о его похождениях, никто не мог подозревать, что этого ее прикосновения было достаточно, чтобы пред астральным зрением девочки развернулся целый свиток картин природы, с которыми некогда была связана жизнь этого тюленя.

Все думали, что она черпает эти увлекательные рассказы из своего воображения, а в действительности перед ней раскрывались страницы из незримой летописи природы. Подтверждение, что она обладала этим редким даром, дает нам сама В. П. Ж. По ее словам, вся природа жила для нее своей особой, невидимой для других жизнью. Для нее не только кажущееся нам пустое пространство было наполнено, но и все вещи имели свой особый голос, и все, что нам кажется мертвым, жило для нее и рассказывало ей по-своему про свою жизнь. В подтверждение В. П. Ж. дает нам в своих воспоминаниях замечательную сцену, которая разыгралась во время детского пикника, когда целая группа приглашенных детей собралась в яркий летний день на песчаной полосе земли, которая несомненно была некогда частью морского или озерного дна. Она была вся усеяна остатками раковин и рыбных костей, попадались и камни с отпечатками на них не существующих более рыб и морских растений.

В. П. Ж. вспоминает маленькую Елену, растянувшуюся на песке; локти ее погружены в песок, голова поддерживается соединенными под подбородком ладонями рук, и вся она горит вдохновением, рассказывая какой волшебной жизнью живет морское дно, какие лазурные волны с радужным отражением катились по золотому песку, какие там яркие кораллы и сталактитовые пещеры, какие необыкновенные травы и нежно окрашенные анемоны покачивались на дне, и между ними за резвыми рыбками гонялись разные морские чудовища. Дети, не спуская с нее глаз, слушали ее зачарованные, и им казалось, что мягкие лазурные волны ласкают их тело, что и они окружены всеми чудесами морского дна… Она говорила с такой уверенностью, что вот около нее проносятся эти рыбки и эти чудовища, рисовала пальцем на песке их очертания, и детям

казалось, что и они их видят… Однажды, в конце подобного рассказа, произошел страшный переполох. В момент, когда ее слушатели воображали себя в волшебном мире морского царства, она вдруг изменившимся голосом заговорила, что под ними разверзлась земля и голубые волны заливают их… Она вскочила на ноги и на ее детском лице отразилось сперва сильное удивление, а вслед затем и восторг, и вместе безумный ужас, она упала ниц на песок, крича во всю мочь: вот они, голубые волны! Море… Море заливает нас! Мы тонем… Все дети, страшно перепуганные, бросились тоже вниз головой на песок, крича изо всех сил, уверенные, что море поглотило их.[4]

Часто рассказывала она о различных посещениях, описывая неведомых нам лиц. Чаще всех перед нею появлялся величественный образ Индуса в белой чалме, всегда один и тот же, и она знала его так же хорошо, как и своих близких, и называла своим Покровителем; она утверждала, что именно он спасал ее в минуты опасности. Один из таких случаев произошел, когда ей было около 13-ти лет: лошадь, на которой она каталась верхом, испугалась и понесла; девочка не смогла удержаться и, запутавшись ногой в стремя, повисла на нем; но вместо того, чтобы разбиться, она ясно почувствовала чьи-то руки вокруг себя, которые поддерживали ее до тех пор, пока лошадь не была остановлена. Другой случай произошел гораздо раньше, когда она была совсем еще крошкой. Ей очень хотелось рассмотреть картину, висевшую высоко на стене и завешанную белой материей. Она просила раскрыть картину, но просьба ее не была уважена. Раз, оставшись в этой комнате одна, она придвинула к стене стол, втащила на него маленький столик, а на столик поставила стул, и ей удалось на все это вскарабкаться; упираясь одной рукой в пыльную стену, другой она уже схватила уголок занавески и отдернула ее, но в это мгновенье потеряла равновесие, и больше она ничего уже не помнила. Очнувшись, она лежала совершенно невредимая на полу, оба стола и стул стояли на своих местах, занавеска перед картиной была задернута, и единственным доказательством, что все это произошло наяву, был след, оставшийся от ее маленькой ручки на пыльной стене, пониже картины.

Таким образом, детство и юность Елены Петровны протекли при очень счастливых условиях в просвещенной и, по всем признакам, очень дружной семье с гуманными традициями и чрезвычайно мягким отношением к людям.

Великое счастье для нее и для всех, кому она принесла так много света, что ее необычайная, одаренная такими сверхнормальными свойствами природа, была с такой любящей и

мудрой заботой оберегаема во время ее детства. Если бы она попала в суровую и непросвещенную среду, ее утонченная, в высшей степени сенситивная нервная система не выдержала бы грубого обращения, и она бы неминуемо погибла.

Глава 3. Второй период Странствия

Если взять географическую карту и отмечать на ней передвижения Елены Петровны за период от 1848 до 1872 г., получится такая картина: от 1848 по 51 год[5] путешествие по Египту, Афинам, Смирне и Малой Азии; первая неудавшаяся попытка проникнуть в Тибет; в 1851 году (дата дана в ее собственных заметках) она едет в Англию, и там происходит ее первая встреча с Учителем, который появлялся ей в детстве и которого она звала своим Покровителем; с 1851 по 53 г. путешествие по Южной Америки и переезд в Индию, вторая неудавшаяся попытка проникнуть в Тибет и возвращение через Китай и Японию в Америку; от 1853 по 55 или 56 г. странствования по Северной и Центральной Америке и переезд в Англию; от 1855 или 56 по 58 г. — возвращение из Англии через Египет и Индию и третья неудавшаяся попытка проникнуть в Тибет. Вот здесь является противоречие: гр. Вахтмейстер, ближе всех стоявшая к Елене Петровне в последние годы ее жизни, в своей речи, произнесенной в Теософском об-ве в Лейпциге 30 сентября 1899 года, передавала, что первое ее путешествие в Тибет произошло в 1856 году.[6] В декабре 1858 г. Елена Петровна появляется неожиданно в России у своих родных и остается сперва в Одессе, а потом в Тифлисе до 1863 года. В 1864 году она проникает наконец в Тибет, оттуда уезжает на короткое время (в 1866 г.) в Италию, затем снова в Индию и, через горы Кумлун и озеро Палти, снова в Тибет. В 1872 году она едет через Египет и Грецию к своим родным в Одессу, а оттуда в следующем 1873 году уезжает в Америку, и этим кончается второй период ее жизни.

Всматриваясь в это 20-летнее скитание (если вычесть 4 года, проведенные с родными) по земному шару, совершенно бесцельное с виду, так как мы имеем дело не с ученым изыскателем, а с женщиной, не имевшей никаких определенных занятий, — единственным указателем на истинную цель всех этих скитаний являются снова и снова возобновляющиеся попытки проникнуть в Тибет. Помимо этого указания, не существует никаких определенных сведений об этом периоде ее жизни. Даже горячо любимые ею родственницы, ее сестра и тетка, с которыми ее связывала самая нежная дружба, и те не знали ни чего определенного об этой эпохе ее жизни. Одно время они были уверены, что ее нет уже в живых.

В воспоминаниях Марии Григорьевны Ермоловой, о которой я упоминала во 2-ой главе, лично знавшей все обстоятельства девичьей жизни Елены Петровны, есть одна подробность, не упоминаемая ни где, которая могла сыграть большую роль в ее судьбе. Одновременно с Фадеевыми в Тифлисе жил родственник тогдашнего наместника Кавказа, кн. Голицын, который часто бывал у Фадеевых и сильно интересовался оригинальной молодой девушкой. Он слыл, по словам г-жи Ермоловой, «не то за масона, не то за мага или прорицателя».[7]

В своем рассказе о неожиданном замужестве Е. П., г-жа Ермолова связывает это событие с отъездом князя Голицына из Тифлиса. Непосредственно вслед за его отъездом по городу пошли слухи, что внучка генерала Фадеева скрылась и никто не знает, куда она отправилась. В высших сферах Тифлисского общества, к которому принадлежала молодая девушка, исчезновение ее объясняли тем, что она последовала за князем Голицыным и что только этим можно объяснить согласие ее семьи на такой неравный брак с пожилым Блаватским, который, со светской точки зрения, был необъяснимым mésalliance. М. Г. Ермолова хорошо знала Блаватского, потому что он служил чиновником по особым поручениям в канцелярии ее мужа, губернатора; он был скромный, ничем не отличавшийся человек средних лет и был во всех отношениях не пара для молодой, восемнадцатилетней девушки из влиятельной, высокопоставленной семьи.

Г-жа Ермолова, знавшая хорошо условия, в которых протекала жизнь Е. П., была убеждена, что дедушка и бабушка Елены Петровны согласились на этот брак своей внучки, чтобы «спасти положение» и прекратить неблагоприятные для ее репутации слухи. Благодаря связям генерала Фадеева, было нетрудно создать для скромного чиновника «приличное положение», и его перед свадьбой назначили вице-губернатором Эривани. Относительно побега Е. П. из родительского дома, г-жа Ермолова думала, что это был с ее стороны не более как необдуманный поступок, целью которого было с помощью князя Голицына войти в сношение с таинственным мудрецом Востока, куда направлялся князь Голицын. Если сопоставить эти обстоятельства и последующее бегство из дома мужа через три месяца после брака, который по всем данным был фиктивный, можно с большой вероятностью предположить, что в разговорах с «магом» кн. Голицыным, следовательно с человеком, сведущим в области медиумизма и ясновидения или по крайней мере интересующимся подобными явлениями, Елена Петровна могла получить много указаний, которые и подействовали на ее

решение во что бы то ни стало вырваться из стеснительных условий светской девичьей жизни. Весьма вероятно, что она рассказала заинтересованному собеседнику о своих видениях и о своем «Покровителе» и получила от него ряд указаний, может быть и адрес того египетского копта, о котором упоминают как о ее первом учителе по оккультизму. Подтверждением этому служит и то обстоятельство, что, покинув Эривань и доехав до Керчи со своими слугами, Елена Петровна отсылает их под выдуманным предлогом с парохода и, вместо того, чтобы ехать к отцу, как предполагали ее родственники и слуги, отправляется на Восток, в Египет, и путешествует не одна, а со своей знакомой — гр. Киселевой. Возможно, что встреча их была случайная, но возможно, что было и предварительное соглашение. Если мое предположение верно, весь характер ее исчезновения на Восток совершенно меняется: вместо бесцельного искания приключений является определенное стремление к намеченной цели.

Через три года происходит самое важное событие этой эпохи ее жизни — ее первая встреча с Учителем. Об этой встрече, которая произошла в Лондоне в 1851 году, упоминают Г. Олькотт, гр. Вахтмейс тер и г-жа Безант.

Все значение этой встречи выясняется лишь в связи с героическим характером пламенной, никогда не ослабевавшей, преодолевавшей все препятствия, верной до последнего вздоха преданности ее своему Учителю. Эта преданность, раскрывающая весь размер ее души, и была тем ярко зажженным маяком, который направлял все действия ее последующей жизни. При свете этого маяка все ее скитания, вся необычайность ее переживаний, ее снова и снова возобновлявшиеся попытки проникнуть в Тибет, где она надеялась приблизиться к нему, все это получает совершенно новый, глубокий смысл.

Ее враги, а также и все судящие по одним видимостям, предполагают, что таинственность ее жизни скрывает за собой нечто предосудительное, иначе «почему бы ее жизнь не была открытой, как у всех добрых людей»? Да, ей было что хранить в тайне, но не пошлые искания приключений наполняли эту таинственную часть ее жизни, а неукротимая тяга большой души к большой цели.

Чтобы верно понять эту сторону ее жизни, необходимо знать, что такое «ученичество», в чем оно состоит, какого рода обязательства оно налагает на ученика и каково на Востоке отношение ученика оккультной школы к своему Учителю.

Без приблизительного хотя бы понятия об этих вещах невозможна верная оценка жизни Елены Петровны, которая несомненно была ученицей высоких адептов восточной Мудрости

(Брахма Видья).

Для европейцев, утерявших всякое понятие об эзотеризме, представляется какой-то сказкой самое существование восточных Учителей, живущих совершенно особой жизнью, где-то среди неприступных Гималаев, никому неведомых, кроме горсти теософов-мечтателей. Но это представление совершенно меняется, когда начинаешь знакомиться с внутренним смыслом религиозных учений Индии. Разница умственной и духовной жизни материалистического Запада и мистического Востока очень глубока, и непонимание со стороны Запада самых существенных особенностей Востока вполне естественна.

На Востоке никто не сомневается в существовании высоких адептов Божественной Мудрости. В газете «Boston Courier» от 18 июля 1886 года, как раз по поводу обвинения Елены Петровны в фиктивности ее общения с несуществующими Учителями Мудрости, появился протест, подписанный семьюдесятью пандитами из Негапатама, рассадника знатоков древних религиозных учений Индии, в котором они утверждают, что «махатмы или садху не измышление г-жи Блаватской, а Высшие Существа (Superior Beings), в существовании которых никто из просвещенных Индусов не сомневается, которых знали наши деды и прадеды, с которыми и в настоящее время многие Индусы, ничего общего с Теософским обществом не имеющие, находятся в постоянных сношениях».[8] Это — свидетельство ученых Востока. Но и западные ученые, по крайней мере наиболее передовые, не отрицают возможности сверхнормальных психических способностей, которые у большинства людей находятся в скрытом состоянии и только со временем разовьются до полного своего проявления; а если это так, совершенно нелогично отрицать возможность все более и более высоких ступеней психической и духовной эволюции, следовательно и появления таких «Высоких Существ», душевные силы и свойства которых еще неведомы на нашей низшей ступени развития.

Многих смущает тайна, окружающая их. Но на это существуют важные причины, из числа которых наиболее понятной для европейского ума должно быть естественное утончение всей нервной системы, в какой степени такая утонченная организация должна страдать от наших современных условий жизни, это поймут все, обладающие «тонкими нервами». Если взять ту же чувствительность, только в не измеримо усиленной степени, нетрудно представить себе предел, за которым шумы и вибрации городской суеты и скопления множества негармонично настроенных людей станут даже опасными для сильно утончившихся нервных проводников. В

этом главная причина того факта, что люди, достигавшие святости, которая неизбежно сопровождается утончением всей нервной системы, всегда стремились в уединение, скрывались в пустынях и джунглях. Когда же человеку с исключительно тонким психическим развитием — по свойствам его жизненной задачи — все же приходится оставаться среди многолюдья, он должен сильно страдать. На на очень высокой ступени развития без предосторожностей, известных оккультисту, он даже и не мог бы выдержать грубых шумов современной городской жизни.[9]

Если рассматривать весь характер жизни Е. П. Блаватской, владея хотя бы самыми элементарными понятиями об оккультных явлениях, можно с уверенностью сказать, что весь второй период ее жизни был сначала — подготовлением к ученичеству, а затем и самим ученичеством; что же касается последних лет ее жизни, они носят на себе ясную печать определенной духовной миссии. Доказательством служат многие обстоятельства ее жизни, а также и характер ее литературного творчества. Во-первых, Станцы «Дзиан», к которым все три тома ее «Тайной Доктрины» служат комментариями, могли быть доступны лишь ученику высокого Адепта, который — по соображениям высшего порядка — нашел своевременным обнародовать их в конце прошлого столетия. Будь это не так, Станцы эти были бы давно уже известны, если не западным ученым, то, по крайней мере, восточным пандитам, а этого не было, и Станцы эти действительно впервые даются миру через Е. П. Блаватскую. Иначе в Индии давно уже поднялись бы громкие протесты со стороны ученых браманов, которые не преминули бы раскрыть самозванство женщины, к тому же из презираемой ими в душе расы варваров,[10] которая приписала себе первую передачу такого драгоценного древнейшего документа. Другая ее книга. «Голос Безмолвия», не раскрывает ее «ученичества» только для европейцев, совершенно утерявших религиозный эзотеризм; для тех же, которые понимают истинный смысл евангельского изречения: узок путь и тесны врата, ведущие в Жизнь, и немногие находят их и знают, что такое восточный религиозный «путь», для них совершенно очевидно, что Е. П. Блаватская была ученицей эзотерической школы Востока, ибо только там могла она приобрести эти изреченья, насквозь проникнутые духовностью древнего Востока, которые несомненнее всяких документов говорят за то, что она соприкоснулась с этой духовностью и черпала свое вдохновение не из вторых рук, а из первоисточника. Только истинный чела, с великим напряжением перестраивающий всю свою душевную жизнь по новым линиям, сжигающий всю свою низшую природу в огне внутренней битвы, способен выразить опыт духовного

подвига так, как выразила его Е. П. Блаватская в своей книге «Голос Безмолвия».

Вторым доказательством подлинности ее «ученичества» служат ее постоянные сношения с учителями Востока, удостоверенные множеством свидетелей, как европейцев, так и индусов. Сношения эти носили различный характер: реже всего они были непосредственно физические, чаще — письменные и еще чаще — ясновидяще-психические; в широкую область последних входят и астральные сношения (ясно виден образ и слышен голос физически отсутствующего), и внутренне психические, намеком на которые может служить «внушение».

Но на той ступени развития, которой достигали психические силы Елены Петровны, сношения последнего рода между учителем и учеником, или гуру и челой, как выражаются на Востоке, могут достигнуть такой же отчетливости и непрерывности, как и физические общения. Между ними устанавливается нечто в роде беспроволочного телеграфа. Существует множество свидетельств, как, даже во время оживленного разговора, когда внимание Елены Петровны было устремлено на определенный предмет, она внезапно останавливалась, как бы прислушиваясь, и вслед за тем каждый раз появлялось или письмо, или внутреннее указание, которое она и спешила выполнить. Никто при этом не слыхал каких-либо звуков, кроме нее; лишь до ее раскрытого внутреннего слуха ясно доносились внутренне произносимые слова Учителя, которые и передавались посредством соединявших их магнетических токов.

Все такие явления, как ясновидение и яснослышание, психометрия, телепатия, внушение и т. д., казавшиеся еще недавно явлениями сверхъестественными, начинают регистрироваться в летописи научных наблюдений, но объяснить их современная наука не будет в состоянии до тех пор, пока не начнет считаться с духовной природой человека, с его духовной эволюцией.

До сих пор одни только оккультисты разбираются правильно во всех «ненормальных» психических явлениях, но они не считают их ненормальными, а лишь преждевременно и односторонне, поэтому и негармонично развивающимися свойствами человеческой души. При естественном ходе эволюции силы эти будут раскрываться очень медленно и постепенно и притом в определенных взаимных сочетаниях. При ускоренной эволюции они могут проявляться или негармонично, а следовательно и нежелательно, как у большинства медиумов, у которых развитие проводников опередило развитие духа, или же они могут пройти через правильную внутреннюю культуру.

В последнем случае необходим Учитель, сам прошедший через такую культуру, необходимо то, что можно назвать посвящением в высшую область духа, и если у идущего по этому «пути» хватит душевных сил, чтобы вынести огромное напряжение сознательной внутренней перестройки всей своей психики, тогда он может чрезвычайно опередить свою расу, — и те силы, которые у остальных действуют еще стихийно, у него будут подчиняться его собственной воле; он станет господином над ними, и вследствие этого освободит огромное количество энергии на высшую работу духа. Наоборот, те психические силы, которые развились преждевременно и остаются стихийными, не подчиненными сознанию и воле, могут служить только во вред тому, кто обладает этими силами: не он распоряжается ими, а они владеют им и вводят в смятение. И хотя до его преждевременно развитого внутреннего слуха и зрения и достигают наиболее грубые световые и звуковые явления невидимого мира, но от этого он не становится ни духовнее, ни умнее. Он не разбирается в них и не понимает взаимной связи в фактах сверхфизического мира.

Правильная культура высших психических сил имеет свою науку, свои строго обоснованные дисциплины, свой многовековой опыт, своих учителей и свои школы; в одну из таких восточных школ и была принята Е. П. Блаватская, доказательством чему служат последние годы ее жизни, когда уже совершенно ясно обнаружились результаты систематической культуры ее чрезвычайно сильных сверхнормальных психических способностей. «Тогда (речь идет о 1859 и 60 гг.) все эти феномены были вне ее власти и контроля», сообщает ее сестра В. П. Желиховская, «а когда мы снова увидали ее в 1884 году, то все эти проявления сил невидимых агентов… были ей вполне покорны и никогда не проявлялись без ее воли и прекращались мгновенно по ее желанию. Та же перемена проявлялась и в случаях ее ясновидения. Ранее она, не желая, часто видела вещи, ни ее, и никого особенно не интересовавшие, а двадцать лет спустя она переносилась духовным взором туда, куда хотела, и видела только то, что хотела видеть».[11]

Именно эти психические силы, развитые до полной сознательности и вполне подчинявшиеся ее воле, и служат самым неоспоримым доказательством, что психическое ее развитие прошло через правильную культуру оккультной школы. Силы эти можно разделить на несколько групп:

а) Внушение, вызывающее различные иллюзии — световые, звуковые, осязательные, вкусовые и иллюзии обоняния у того, кто подвергается внушению.

б) Ясновидение всех видов, чтение чужих мыслей и настроений (изменения в ауре наблюдаемого).

в) Сношения на расстоянии с лицами, одаренными таким же или большим психическим развитием.

г) Сильно развитое высшее ясновидение, дававшее ей возможность черпать знания не доступным для большинства способом (чтение космической хроники в свете Акаши).

д) Запечатление объективных представлений актом воли (осаждение — precipitation — на бумаге или ином материале). Картины, произведенные Еленой Петровной таким способом, т. е. наложением руки на чистый лист бумаги, были представлены экспертам в 1895 году, через промежуток в 17 лет, и можно было ясно различить рисунок, сделанный как бы водяными красками, голубым, красным и зеленым карандашами, чернилами и золотом. Во всех таких случаях, сосредоточенное воображение является творцом, сила и материя — его работающими орудиями. Все эти способы известны только в восточных школах оккультизма, ни один западный медиум не владеет ими.

е) Явления, требующие знания первичных свойств природы, силы сцепления, образующей различные агломераты из атомов, и знания эфира, его состава и потенциальности.

Другие ее психические силы излишне и перечислять, так как объяснить их мог бы только тот, кто знает столько же, сколько знала сама Е. П. Блаватская.

Следующим доказательством ее высокого оккультного развития служит ее упорное молчание относительно всех обстоятельств этого таинственного периода ее жизни. Это доказательство особенно важно ввиду ее характера, до такой степени откровенного и несдержанного, что она — по словам ее близких — никогда не разбирала, что и перед кем говорила, и тем чрезвычайно себе вредила, сама давая против себя оружие своим недоброжелателям. Кто знаком с условиями оккультного обучения, для того подобное умалчивание не только в порядке вещей, но оно одно из самых верных показателей, что данный человек действительно ученик оккультной школы. Можно прожить с ним под одной кровлей всю жизнь и не узнать о его принадлежности к школе, и, наоборот, когда встречаются оккультисты, а такие в последнее время встречаются нередко, чуть не на улицах объявляющие через своих приближенных о своем «посвящении», можно быть совершенно уверенным, что здесь нет ничего серьезного. Ни один истинный чела никогда, ни при каких условиях, не говорит о своей принадлежности к школе и ни о чем, относящемся к его оккультному обучению. Это — необходимое условие, которое имеет очень серьезные основания.

А когда далеко стоящие от тонких явлений высшего сознания бросают упреки по поводу «тайны», ссылаясь на то, что все хорошее должно совершаться явно, на этот упрек можно ответить одно: оккультная школа действительно развивает высшие силы в своих учениках, а среди этих сил есть и такие, как способность видеть в ауре человека его истинный характер и все его скрытые свойства, а также способность внушать людям свою волю и свои мысли. Нетрудно себе представить, какие потоки новых бедствий устремились бы на без того уже трудную земную жизнь, если бы развитие скрытых сил стало доступно для всех, вплоть до эгоистов с нечистыми намерениями!

Следующим доказательством служат ее постоянные и неизменные заявления, что не она автор своих книг, что она только орудие, только пишущая под диктант и т. д. Если бы это было неверно, если бы за ней не стояли Учителя и она сама придумала свою «Тайную Доктрину», со всеми ее бесчисленными ссылками и цитатами, она оказалась бы не только обладательницей огромной учености, неизвестно где приобретенной, но и величайшим гением, потому что такого индивидуального творчества, как ее «Тайная Доктрина», не найти ни в одной эпохе. И что могло заставить ее лишать себя заслуженной славы, почета и уважения своих современников и упорно приписывать свое личное творчество несуществующим призракам?

Какие силы могли бы заставить человека, который собственными усилиями приобрел такую массу знаний, отрекаться от них в пользу создания своей фантазии, вызывая лично к себе оскорбительное недоверие, насмешки и непонимание со всех сторон, даже со стороны близких и дорогих людей? Только одно безнадежное сумасшествие могло бы вызвать такое невероятное положение вещей, а между тем Елену Петровну обвиняли в очень многих грехах, но в этом ее не обвиняли никогда.

Приведенных доказательств, вероятно, достаточно, чтобы осветить истинный смысл второго, таинственного периода ее жизни, а те немногие фактические подробности, которые близкие люди знал и об этом периоде, указывают на те же черты, которыми отличались и последние годы Елены Петровны, протекавшие на виду у многочисленных свидетелей: та же железная воля, та же героическая отвага, та же беззаветная преданность идее и пламенный энтузиазм, та же неукротимая энергия. Весьма возможно, что эта вторая часть жизни Елены Петровны была богата и личными яркими переживаниями, хотя можно поручиться, что он не были ни мелкими, ни пошлыми, но

все это совершенно не важно в сравнении с тем внутренним смыслом ее жизни, который раскрывается перед нами.

Один из эпизодов ее путешествия по Монголии, который упоминается в «Разоблаченной Изиде», дает понятие о том, в каких положениях приходилось ей бывать во время ее скитаний. Это было в 1855 г., когда ей было 24 года и когда она в третий раз пыталась проникнуть в Тибет. Из Калькутты она трогается в путь с тремя товарищами, и они едут через Кашмир под эгидой татарского шамана. Товарищи ее уехали недалеко: двоих вернули назад правительственные агенты, а третий заболел жестокой лихорадкой, и отважная Елена Петровна отправилась далее одна с шаманом, стремясь все в ту же «запретную страну». Во время отдыха в монгольской степи, под раскинутой палаткой, шаман склонился на просьбу своей молодой спутницы показать действие своего талисмана, который он постоянно носил при себе; вместо всяких объяснений, он проглотил его, и почти немедленно впал в глубокий транс. Два часа провела молодая женщина с его окоченелым телом в одиночестве, среди монгольской степи, (провела, по-видимому, очень интересно, потому что заставляла астральное тело шамана путешествовать по свету и рассказывать ей, что делают ее друзья. Одна из них, старая румынская дама, появилась даже собственной особой в углу палатки с письмом в руках. Впоследствии оказалось, что дама эта во время чтения означенного письма потеряла сознание и «увидала Елену в каком-то пустынном месте под цыганской палаткой». Под конец Елена Петровна отправила астрального шамана за помощью; и, действительно, через некоторое время целая партия всадников подъехала к палатке и освободила ее из становившегося неприятным положения.

Прежде чем перейти к дальнейшим годам жизни Елены Петровны, приведу интересный документ, относящийся ко второму ее пребыванию в Тибете, между 1866 и 1871 годами, который напечатан в недавно вышедшей книге А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости». Документ этот был доставлен необычайным образом любимой тетке Елены Петровны, Надежде Андреевне Фадеевой, которая следующим образом описывает его появление в письме, помеченном 26 июня:

«Я писала г-ну Синнетт… по поводу письма, полученного мной чудесным образом, когда моя племянница была на противоположном конце света, или, вернее сказать, когда никто не знал, где она находилась; обстоятельство, которое повергло нас в большую тревогу. Все наши старания узнать, где она, не привели ни к чему. Мы уже готовы были считать ее мертвой, когда — я думаю, что это было приблизительно в 1870 г., — я

получила письмо от того, кого вы называете Учителем, принесенное ко мне самым необычайным и таинственным образом в мой собственный дом посланником с азиатским лицом, который тут же исчез с моих глаз. Это письмо, в котором меня просят не беспокоиться и уверяют, что она здорова, находится у меня, но осталось в Одессе. Когда я вернусь, я перешлю его к Вам и буду очень рада, если оно пригодится. Извините меня, но мне с трудом верится, чтобы были люди настолько неразумные, чтобы думать, что моя племянница или Вы выдумали этих людей, которых вы называете махатмы.

Мне неизвестно, как долго Вы знали их лично, но моя племянница говорила мне о них, и очень обстоятельно, много лет тому назад. Она писала мне, что возобновила отношения с некоторыми из них ранее, чем написала „Изиду“. Зачем бы ей придумывать их? С какой целью? И как бы они могли сделать ей столько добра, если бы они не существовали? Ваши враги, может быть, недурные и небесчестные люди, но они во всяком случае неумные, если обвиняют Вас в этом. Если я, которая надеюсь остаться до могилы ревностной христианкой, верю в существование этих людей (хотя и не во все чудеса, приписываемые им), почему бы и другим не верить? По крайней мере существование одного из них я могу засвидетельствовать лично. Кто мог прислать то письмо в момент, когда я так сильно нуждалась в успокоении, если не один из этих адептов, о которых они толкуют? Правда, я не знаю почерка, но способ, которым оно было передано мне, был так необычаен, что никто, кроме адепта оккультных знаний, не мог совершить ничего подобного. Оно обещало мне возвращение моей племянницы, и обещание это было исполнено. Во всяком случае я пришлю Вам письмо через две недели, и Вы получите его в Лондоне».

Письмо было получено через десять дней, завернутое в письмо самой г-жи Фадеевой; оно было написано на китайской рисовой бумаге, наложенной на глянцевитую бумагу ручного производства, какая употребляется в Кашмире и в Пенджабе, и вложено в конверт из той же бумаги. Адрес был такой: Высокочтимой Госпоже Надежде Андреевне Фадеевой в Одессу (To the Honourable, very Honourable Lady Nadiejda Andriewna Fadeeff, Odessa). В углу конверта заметка рукой г-жи Фадеевой на русском языке, сделанная карандашом: Получено в Одессе 7-го ноября о Леленьке, вероятно из Тибета, 11-го ноября 1870 года. Надежда Ф. Само письмо следующего содержания: «Благородные родственники Е. Блаватской не должны печалиться. Она жива и желает передать тем, кого любит, что она здорова и чувствует себя очень счастливой в далеком и неизвестном убежище, которое

она избрала. Пусть принадлежащие к ее семье леди успокоятся. Ранее чем пройдут 18 новых лун, она возвратится в свой дом». Письмо и адрес написаны хорошо знакомым для многих почерком махатмы К. Х.

Глава 4. Третий период Творчество

Третий период жизни Е. П. Блаватской, который она, начиная с 1873 года, провела последовательно в Америке (1873–1878 г.), в Индии (1878–1884) и в Европе (1884–1891), был настолько известен, имел такое множество свидетелей, постоянно окружавших ее, что его можно проследить день за днем во всех подробностях. Как на более ценные материалы для ее биографии можно указать на записки полковника Олькотта «Листы старого дневника» в шести томах, на книгу граф. Вахтмейстер «Воспоминания о Е. П. Б. и Тайной Доктрине»,[12] на книгу Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской» и на изданное в 1907 году президентом Теос. о-ва, г-жой А. Безант, расследование процесса Куломбов-Паттерсона под заглавием «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости».

В 1873 году, по указанию своего Учителя, Елена Петровна отправилась из Парижа в Нью-Йорк. Переезд ее в Америку ознаменовался на этот раз таким характерным эпизодом, что я не могу не привести его для русских читателей, как образчик ее совершенно необыкновенной доброты. У нее никогда не было лишних денег, и на этот раз, по приезде в Гавр, у нее в кошельке оказался только один пароходный билет 1-го класса да несколько мелких монет. На пароходной пристани она заметила плачущую женщину с двумя детьми. На ее расспросы женщина рассказала, что муж прислал ей денег на ее приезд с детьми в Америку, но что купленные в городе у агента билеты оказались поддельными, ее не берут на пароход, и вот она — без гроша в чужом городе. Недолго думая, Елена Петровна пригласила женщину идти за собой на пароход, и там заставила пароходного агента обменять ее билет 1-го класса на палубные билеты 3-го класса для себя и для женщины с детьми. Так она и переехала через океан на палубе, в толпе переселенцев.

В начале ее пребывания в Америке ей пришлось немало бедствовать, но она никогда не унывала и пока не получила деньги из дома, занималась то шитьем галстуков, то изготовлением искусственных цветов. Ко времени ее появления в Северной Америке, в штате Вермонт, в Читтендене происходил ряд поразительных медиумических явлений, которые привлекли к себе всеобщее внимание. Они происходили в коттедже фермеров, двух братьев Эдди, людей совершенно необразованных и темных, но обладавших таким сильным медиумизмом, что в их

присутствии постоянно происходили сильные спиритические феномены, до материализации включительно. В их доме Елена Петровна впервые встретилась с полковником Олькоттом, который с этого времени стал ее верным помощником и сотрудником. Генри Олькотт служил в северо-американском войске во время войны за освобождение негров, а по окончании войны он был адвокатом и корреспондентом одной из больших нью-йоркских газет. По поручению этой газеты он и приехал в Читтенден, чтобы расследовать наделавшие большого шума спиритические явления на ферме братьев Эдди. Познакомившись с Еленой Петровной, Г. Олькотт заинтересовался так сильно ее обширными оккультными знаниями и необычайными явлениями, которые постоянно проявлялись в ее присутствии, что предложил ей свое сотрудничество, сперва в ее литературной деятельности (он выправлял английский текст ее «Изиды»), а затем, познакомившись через нее с учениями теософии, принял деятельное участие в ее разнообразной и неутомимой борьбе с царившим в то время, атериализмом.

Знакомясь с тем, как Е. П. Блаватская начинала осуществлять свою миссию, и следя за дальнейшей ее деятельностью, нетрудно догадаться, что теми психическими проявлениями, которыми она так поражала окружавших, она надеялась достигнуть определенной цели: расшатать неверие в невидимый мир, доказать, что, рядом с физическими, существуют и иные, несравненно более тонкие, но не менее реальные явления. Большинство окружавших ее тогда людей были уже заинтересованы спиритизмом. В 1-м томе записок полковника Олькотта («Листы старого дневника», 1, стр. 13) помещено ее письмо, в котором она говорит, что была послана из Парижа в Америку (в то время, когда явления на ферме Эдди вызвали к себе всеобщее внимание), чтобы свидетельствовать истинность спиритических явлений и обнаружить неправду спиритической теории, по которой явления эти объясняются появлением духов усопших.

Чтобы доказать, что теория эта основана на заблуждении, она производила подобные же явления при мощном сознании силою воли — и исключительной способностью сосредоточения, прибавлю я от себя. В явлениях на ферме братьев Эдди поразительно было то, что с появлением среди зрителей Е. П. Блаватской, материализованные «духи» начали принимать вид жителей Кавказа, курдов, осетин, а также русских, это служит подтверждением, что материализации, которые на спиритических сеансах принимаются за духов усопших, могут принимать ту или другую форму под влиянием силы мысли того из

присутствующих, который способен думать отчетливо и с большой сосредоточенностью. А Елена Петровна, по заявлению знавших ее, обладала совершенно необыкновенной способностью сосредоточиваться. Она умела собирать все свое внимание на одной вещи с такой энергией, что все остальное для нее уже не существовало; «нужно добиваться, — говорила она своим ученикам, — чтобы, если вы думаете о коробке спичек, для вас не было бы в мире ничего, кроме этой коробки и вашего я». Далее, на стр. 15-й того же дневника, есть указание, что Елена Петровна примкнула временно к спиритизму для того, чтобы показать спиритам все опасности медиумических сеансов и всю разницу, которая существует между спиритическими явлениями и истинной духовностью. Она была уверена, что спиритизм, как учение, не в состоянии повлиять на одухотворение жизни, и считала своей миссией ложный западный медиумизм заменить восточной духовностью (Брахма Видья).

К тому же ее отрицательное отношение к спиритизму основывалось не на отвлеченных теориях, а на ясновидении: в связи с отделением из тела медиума астральной субстанции она видела часто такие нежелательные явления, которые легко могут объяснить всю страстность ее нападений на спиритические сеансы.

Ее решением бороться с развитием медиумизма можно объяснить и то обилие феноменов, которые она производила в ту пору своей жизни. Она хотела ими доказать, что опытный оккультист может творить то же, что и «духи» спиритистов. Среди различных явлений, которые она показывала с этой целью, были мгновенные исчезновения людей или предметов, например, исчезновение человека, несущего лампу, что производило впечатление, что лампа движется одна по комнате. Западные ученые отказываются объяснить подобные явления, а между тем на Востоке они известны многим. Елена Петровна объясняла это тем, что восточный оккультизм знает несравненно больше о внутреннем человеке, о том, который через физические чувства — эти «окна души» — сообщается с внешним миром, и поэтому восточный оккультист может действовать непосредственно на него; он может на время прекращать нервные токи таким образом, что передача сознания у того, на кого устремлено его воздействие, временно приостанавливается — как бы обрезаются проволоки внутреннего телеграфа, и человек перестает видеть то, на что направлено запрещение оккультиста.

Елена Петровна прекрасно знала, какую бурю вражды и нареканий она навлечет на себя своим противодействием спиритизму и все же с обычным бесстрашием и энергией шла

навстречу этой буре. Что это было так, доказывают следующие строки из ее письма, помещенного в 1-м томе дневника Олькотта (стр. 25): «Получила приказание сообщать публике правду о спиритических феноменах и их медиумах. И отныне начнется мое мученичество! Все спириты восстанут на меня вдобавок к христианам и ко всем скептикам. Твоя воля, Учитель, да будет исполнена!»

Но рядом с серьезной целью убедить людей в реальности невидимых миров, производимые ею «феномены» имели и отрицательную сторону: они вызывали большой наплыв любопытных, которые разносил и слухи о ее «чудотворениях» и привлекали к ней не столько серьезных людей, сколько жаждавших увидать ее феномены. Сама же она относилась к ним скорей с пренебрежением, утверждая, что эти феномены лишь ничтожная и подчиненная сторона теософии, что психологические эксперименты стоят в таком же отношении к духовной философии, в каком химические эксперименты стоят к науке химии. Но они, тем не менее, сослужили для многих важную службу, став мостом, через который люди переходили от западного спиритизма к восточному спиритуализму, и они же помогали серьезным ее последователям понимать возвышенные учения теософии.

В 1875 году, 7 сентября, произошло открытие Теософского общества. В скромной квартире Елены Петровны собралось 17 человек: несколько редакторов и писателей, ученый еврейский раввин, президент Нью-Йоркского Общества для расследования спиритизма, два врача и еще несколько лиц. Один из присутствующих, г-н Фельт, прочитал доклад о «потерянном каноне пропорций у древних египтян», а затем полковник Олькотт произнес речь, в которой очертил современное духовное состояние мира, конфликт между материализмом и духовностью с одной стороны и религией и наукой с другой; их безвыходным препирательствам он противопоставил философию древних теософов, умевших слить воедино оба полюса жизни. Затем он предложил учредить Общество оккультистов и при нем библиотеку для изучения скрытых законов природы, которые были известны древним и совсем утрачены для нас. Предложение его было принято, и его выбрали президентом Теософского общества. В тот первый вечер было выработано семь основных положений, но в них и тогда уже были ясно намечены те три главные цели, которые позднее были поставлены на знамени Теософского общества.

Вначале развитие Общества пошло медленно, но это нисколько не ослабило энергии его русской основательницы и ее

американского помощника. В следующем, 1876 году Елена Петровна начала писать «Изиду», а в 77-м году «Изида» была уже издана в Нью-Йорке и вызвала к себе большое внимание в американской прессе. Писала Елена Петровна свою книгу всегда в присутствии Олькотта, который занимался в той же комнате и помогал ей, выправляя английский стиль каждого листа.

Г. Олькотт сообщает много интересного по поводу этой совместной работы, хотя наблюдения его чисто внешние и дать им какое-либо объяснение он совсем не мог. Так, в передаваемых ему для редакции листах он наблюдал четыре разных почерка, хотя общий характер письма оставался во всех четырех один и тот же: один почерк был мельче и ровнее, другой — более размашистый, третий — средней величины и очень четкий и, наконец, четвертый — очень неразборчивый. И в достоинстве английского стиля замечалась большая разница, смотря по тому, которым из четырех почерков страница была написана; некоторые страницы требовали многих поправок, а некоторые были так совершенно выражены, что не нуждались совсем в исправлении.

Каждое изменение стиля и почерка совпадало всегда или с удалением Елены Петровны из комнаты, или с определенным выражением глаз, которые поражали в такие минуты своей безжизненностью. В одном из своих писем она выражается так: «Я живу с открытыми глазами в волшебном мире видений и картин, владея при этом всеми своими чувствами… В течение нескольких лет, чтобы не забылось то, чему меня научили, передо мной постоянно возникало все, что мне было нужно. Днем и ночью картины прошлого проносились перед моими внутренними глазами. Медленно, в скользящем движении, подобно образам в волшебной панораме, века проходят передо мной… и каждое важное, а иногда и неважное событие фотографируется в моем уме словно отпечатанное в неизгладимых красках… Я решительно отказываюсь приписывать все это своим собственным познаниям или памяти, потому что одна я никогда не достигла бы ничего подобного».

В 1878 г. основатели Теософского общества решили переселиться в Индию. К этому времени у них уже завязались заочные сношения с несколькими индусскими пандитами, и они пришли к тому, что лучшей почвой для возрождения древневосточной духовности должна быть именно Индия.

Перебравшись в Индию, они поселились вначале в Бомбее, и вскоре множество посетителей из местных браманов, буддистов, парсов и др. толпились вокруг Е. П. Блаватской, слушая ее эзотерические толкования древних текстов. Помощь, которую последователи различных верований находили при этом в одних

и тех же теософических объяснениях, служила для всех них самым существенным доказательством, что теософия действительно основа всех религий.

Вначале Елене Петровне приходилось терпеть от любознательности местной полиции, которой казалось очень подозрительным, что русская дама вступила в такие оживленные сношения исключительно с туземцами-индусами. Но через некоторое время умные английские полицейские разобрались, что дело идет о религии, и оставили ее в покое.

Работа у Елены Петровны и ее сотрудника с самого начала их переселения в Индию закипела такая горячая, влияние их в Индии росло так быстро, и они были так завалены письмами, что уже на другой год решено было основать свой журнал, и в октябре 1879 г. возник «Теософист», который выходит и до сих пор в Индии, а с 1907 года, т. е. после смерти Г. Олькотта, поступил под редакцию нового Президента, А. Безант. К этому же времени относится знакомство Елены Петровны с издателем главного англо-индусского органа «Pioneer», Синнеттом, который под ее влиянием из позитивиста и скептика стал теософом; сочувствие г-на Синнетта было чрезвычайно полезно для зарождающегося теософского движения, так как он занимал почетное положение среди местного общества и пользовался всеобщим — доверием и уважением.

Результатом посещения Елены Петровны его летнего дома в Симле была первая книга по оккультизму, написанная Синнеттом, «Оккультный мир», в которой он подробно описывает необыкновенные явления, происходившие в присутствии Елены Петровны в его доме. Несмотря на ее резкие внешние приемы, которые очень не нравились Синнетту, так как представляли полный контраст со сдержанным самообладанием леди его среды, он описывает свои впечатления от тогдашней Елены Петровны в таких выражениях: «она владеет великолепными психическими дарами и несокрушимым мужеством, которое выносит ее из всех подавляющих испытаний, а ее духовный энтузиазм так велик, что он превращает все ее страдания и весь напряженный труд в пыль и прах по сравнению с ее непоколебимой верностью невидимому Учителю». Через нее Синнетт вступил и сам в сношения с «невидимыми Учителями», и плодом этих сношений была его книга «Эзотерический Буддизм», которая представляет первую попытку дать систематический очерк эзотерической космогонии.

Здесь будет уместно упомянуть, какие нежелательные последствия повлекло за собой неудачно выбранное название этой книги и неправильная орфография слова «буддизм». Именно эта книга и пропущенная в ее названии ошибка вызвали

распространившееся повсюду мнение, которое разделял и Владимир Соловьев, когда писал свою статью в словаре Венгерова, что принесенная Е. П. Блаватской теософия есть замаскированный буддизм. А между тем, слово «буддизм», которое стоит в заглавии книги Синнетта, должно означать вовсе не учение Гаутамы Будды, а эзотерическую Мудрость, от Будха, Мудрость (санскритский корень budh — знать). Эта ошибка вызвала совершенно неверное представление, что те эзотерические религиозные учения, которые впервые обнародованы Е. П. Б., принадлежат буддизму, религии, исповедуемой на Востоке. В действительности, божественная Мудрость, теософия, Брахма Видья, доступную для современного сознания часть которой Е. П. Б. старалась изложить в своей «Тайной Доктрине», является общим для всех религий эзотерическим учением, той «твердой пищей», о которой Апостол Павел упоминает в своем Послании к Коринфянам (I посл., III, 2), одинаково присущей и брахманизму, и буддизму, и зороастризму, и христианству. Статья Влад. Соловьева написана — если не ошибаюсь — 17 или 18 лет назад; с тех пор духовное движение, созданное Е. П. Б., продолжало расти и развиваться, и в настоящее время, когда вся обширная теософская литература на деле доказала, с какой серьезной любовью теософы изучают эзотеризм всех религий, подобный упрек в замаскированной проповеди буддизма был бы уже невозможен.

Следующие пять лет до 1884 года прошли в энергичной пропаганде теософии внутри Индии. Оба основателя Теософского общества разъезжали по всей Индии, стараясь везде возбудить интерес к высокой красоте древнеиндусских верований и вызвать воспоминание о былой славе великого народа.

Такое отношение Е. П. Б. и Г. Олькотта, полное любви и энтузиазма к религии угнетенного народа, произвело огромное впечатление среди населения Индии.

Когда основатели Теософского общества явились на Цейлон, им была устроена такая восторженная встреча, словно их приезд был народным событием, и все духовенство острова с Первосвященником во главе приветствовало и благословляло их.

В конце 1882 г., благодаря сырому климату Бомбея, оказавшемуся очень вредным для здоровья Елены Петровны, она тяжко заболела. Это была первая из ее смертельных болезней, когда доктора давал и ей жить лишь несколько часов и затем признавались, что ее быстрое выздоровление, при таком состоянии организма, было для них совершенно непостижимо. И этот раз доктора объявили ее безнадежной; но в самый разгар болезни она исчезла из своей комнаты, где лежала в

бессознательном состоянии, а затем, дня через три или четыре — вернулась домой совершенно здоровая. Исчезновение ее объясняют тем, что она без ведома своих домашних была увезена на север от Дарджилинга в место, никому из них неизвестное, и там была вылечена своим Учителем. Ее сестра, Вера Петровна Желиховская, получила от нее как раз около этого времени письмо из Дарджилинга (на границе Тибета), в котором подтверждается это предположение близких ей людей.

В одном из многочисленных передвижений по Индии, еще до болезни Елены Петровны, ей и Олькотту очень приглянулось небольшое поместье, по нашему вернее — усадьба, в окрестностях Мадраса, расположенная на морском берегу; с помощью местных индусских членов Теософского общества место это было куплено для Общества и в нем был устроен постоянный приют для его представителей. Это и был Адьяр, хорошо известная «Штаб-квартира» Общества, в которой до самой смерти прожил первый президент, а в настоящее время живет его преемница, А. Безант, в промежутках между своими путешествиями в Европу и Америку; как раз в начале текущего 1910 года владения Адьяра расширились: благодаря стараниям нового президента приобретены два участка, примыкающие к прежнему владению Адьяр а, которые в честь основателей Теософского общества названы «садами Блаватской» и «садами Олькотта». На этих участках, по инициативе госпожи А. Безант, построено в тени деревьев несколько домо в для приезжих теософов, чтобы дать возможность серьезным работникам воспользоваться всеми преимуществами Адьяра, между прочим — прекрасной Адьярской библиотекой, наполненной редкими книгами всех веков по вопросам восточных религий, философий и по оккультизму.

После переселения в Адьяр, 19 декабря 1882 г., здоровье Елены Петровны оставалось настолько неудовлетворительным, что потребовалась перемена климата, и она переселилась «на время» — как тогда все думали — в Европу. 7 февраля 1884 года покинула она Адьяр, провела лето того же года в Лондоне, осень в Эльберфельде у своих друзей Гебхардов, и только и думала о том, чтобы скорей приняться за свою «Тайную Доктрину», когда из Адьяра получилось известие о состоявшемся против нее заговоре, к изложению которого мы сейчас и перейдем. Получив это известие, Елена Петровна отправилась в Индию, чтобы защитить свое доброе имя от возведенной на нее клеветы. Но новая болезнь вынудила ее снова покинуть Индию и, по настоянию доктора, вернуться в Европу. Здесь, едва оправившись от перенесенных волнений и болезни, она с жаром принялась за свою «Тайную Доктрину». Чтобы работать над ней без помехи, она

выбрала уединенный Вюрцбург. На эту работу она смотрела как на главное дело своей жизни. Она была уверена, что человечество подошло к нравственному кризису, что все усиливавшийся материализм мог закристаллизовать сознание в такой степени, что возврат к духовности становился бы все труднее и труднее. Нужно было помочь ему, пробить окно в духовный мир, раскрыть перед людьми невидимые для них дали. Так понимала Елена Петровна порученную ей задачу и со свойственными ей энергией и энтузиазмом принялась за дело. Зиму 1885 г. она провела в Вюрцбурге сперва одна, а потом вдвоем с графиней Вахтмейстер, которая взяла на себя заботу о ее материальны е нуждах. Совсем больная, страдающая от острого ревматизма, который грыз все ее измученное тело, она с неослабевающим самоотвержением сидела за своим письменным столом с раннего утра и до веч ера, не давая себе никакого отдыха среди дня. В разгаре этого труда, поглощавшего ее всю без остатка, на нее неожиданно обрушился второй страшный удар, который наверно раздавил бы каждую менее сильную душу.

Вот как гр. Вахтмейстер описывает это страшное для Елены Петровны утро в декабре 1885 г.: «Никогда не забуду я словно застывшего на лице ее выражения неописуемого страдания, с которым она взглянула на меня, когда я вошла к ней утром и застала ее с только что полученным отчетом г-на Ходжсона в руках. „Вот, воскликнула она, какова карма Теософского общества! Она обрушивается на меня, и я — козел отпущения! Я должна нести на себе грехи Общества, и теперь, когда меня заклеймили величайшей обманщицей, да еще русской шпионкой вдобавок, кто будет слушать меня, кто будет читать „Тайную Доктрину“? Как буду я продолжать дело Учителя? О, проклятые феномены, которые я делала, чтобы удовлетворить друзей и поучать окружающих! Как я вынесу такую страшную карму? Как переживу все это? Если я умру, пострадает дело Учителя и Общество погибнет!“.»[13]

Отчет, который потряс ее таким образом, принадлежал следователю Ходжсону, посланному Лондонским обществом психических исследований в Индию с целью проверить на месте обвинения Куломбов в поддельности всех необычайных явлений, которые происходили в Адьяре. Отчет признавал все эти явления результатом мошеннических подлогов, совершенных Еленой Петровной с помощью помощников и при посредстве проделанных отверстий и задвижных дверей. В таком виде результат следствия был представлен Совету Общества психических исследований и, санкционированный этим Обществом, был напечатан в его протоколах. Теперь, когда

прошло столько времени и когда выяснились все подробности этого процесса, в котором на одной стороне были: явно обнаруженный подкуп (миссионер Паттерсон не скрывал, что платил Куломбам за доставленные ими письма, приписанные Е. П. Блаватской), подложные письма и, в качестве единственных обвинителей, двое рассчитанных за дурное поведение слуг, а с другой стороны свидетельства всех ближайших сотрудников Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, д-ра ф. Гартманна, Джеджа, Ледбитера, Броуна, Домадара, Субба-Рао и др., большинство которых жило в адьярском доме, затем — всеми уважаемых г-на Синнетта и генерал-майора Моргана, бывшего секретаря министерства по делам Индии господина Лэн-Фокса,[14] инженера Четти и др. вплоть до инспектора полиции и множества известных и уважаемых индусов, которые все единодушно утверждали, что обвинения мужа и жены Куломбов — ложь и вздорная клевета; когда все это знаешь, является потребность узнать, как мог целый синклит ученых с известным Майерсом во главе не усмотреть всей несостоятельности следствия, произведенного Ходжсоном; как могли они не заметить, что все его обвинение, налагавшее на доброе имя обвиняемой позорное клеймо мошенничества, было основано исключительно на показаниях двух лиц, которые сами признавали себя за ее сообщников… Это осталось бы неразгаданной тайной, если бы все дело не происходило в первой половине 80-х годов истекшего столетия, когда материалистический гипноз в науке был настолько силен, что все, недоступное проверке физических чувств, отвергалось как «не выдерживающее научной критики».

Суть дела состояла в том, что после отъезда Е. П. Б. и Г. Олькотта из Адьяра в Европу, который состоялся 7 февраля 1884 года, оставшиеся в Адьяре ближайшие сотрудники их в середине мая того же года порешили удалить из дома экономку Куломб и ее мужа, которые надоели им своими интригами, дурным характером и нечестностью. Взяты они были Еленой Петровной из сострадания к их бедственному положению, а когда Е. П. уехала из Адьяра, они, под предлогом ремонта, завладели ее комнатами, и зная, что их положение в доме становится все более шатким, решились отомстить, судя же по дальнейшему их поведению, надеялись, вероятно, извлечь и материальную пользу из этой мести. С этой целью столяр Куломб принялся ломать стену в спальне Елены Петровны и делать разные приспособления, которые должны были доказать, что она производила свои феномены с помощью потайных дверей и других мошеннических приемов. К счастью, им не удалось докончить начатого, и когда от них потребовали ключи от комнат Елены Петровны и

несколько теософов, в числе которых были д-р Гартманн, Субба-Рао, судья Сринаваза-Рао, г-н Броун, Домадар и другие, вошли в ее спальню, они увидели следующее: в стене, заставленной шкафом, было пробито отверстие, которое было недоделано и должно было, по всей вероятности, пройти насквозь в соседнюю, так называемую «оккультную комнату», в которой — как раз против сделанного отверстия — висел на противоположной стороне стены небольшой шкаф, где чаще всего происходили различные феномены. Цель Куломбов была ясна: в шкафу, стоявшем в спальне, они уже устроили подвижную стенку, которая, впрочем, скрипела и плохо двигалась; вероятно, такую же стенку они предполагали сделать и в шкафу, висевшем в оккультной комнате, а стену, отделявшую оба шкафа, они уже начали ломать с целью сделать отверстие, через которое можно бы сообщаться из спальни с «оккультной комнатой» через висевший там шкаф. Но это им не удалось, и в течение всего лета 1884 года многочисленные посетители Адьяра рассматривали и начатую дыру в стене, которая была такого размера, что 10-летний мальчик мог с трудом в нее влезть, и подвижную спинку шкафа, которая скрипела и не хотела скользить. Осенью 1884 г., следовательно до возвращения Елены Петровны и до появления в Индии следователя Ходжсона. В. Джедж, заменявший президента на время ее отсутствия, решил уничтожить следы деятельности Куломбов; с этой целью он пригласил тридцать свидетелей, которые все подписались под протоколом, свидетельствовавшим о проделанном в стене отверстии, после чего приглашенный им каменщик заделал пробитую стену и комнату оклеили новыми обоями. Но все это не помешало командированному Обществом психических исследований Ходжсону, который приехал в Адьяр весной 1885 года и не мог видеть ничего, кроме гладкой стены, так как отверстие было сделано осенью 1884 года, приложить к своему отчету план комнаты (стр. 220) с пробитой стеной, вводя читателей отчета в заблуждение, будто он сам видел отверстие и сам набросал план, тогда как план этот был составлен Джеджем до заделки отверстия. Между тем, Куломбы, потерпев неудачу в своем первом предприятии, придумали новое: они подделали целый ряд писем,[15] будто бы написанных Еленой Петровной к своей сообщнице г-же Куломб, в которых делаются признания в различных мошенничествах. Это предприятие удалось: письма были куплены иезуитом миссионером Паттерсоном и напечатаны в «Christian College Magazine». Но самое непонятное из этой вторичной попытки предать и продать Елену Петровну выпадает на долю самого следователя Ходжсона: несмотря на то, что Е. П. Блаватская клятвенно отрицала подлинность этих писем,

несмотря на все признаки подделки (орфографические ошибки во французских словах, перепутанные имена и т. д.), несмотря на взрыв негодования всех знавших Елену Петровну порядочных людей, г-н Ходжсон не согласился показать эти письма ни ей, ни ее близким, и в то же время все свои обвинения строил на них. Другое обвинение Ходжсона состояло в том, что письма Учителей писались самой Еленой Петровной, и это обвинение поддерживалось им несмотря на то, что берлинский эксперт Шютце утверждал, что «нет ни малейшего сходства между почерком этих писем и почерком Е. П. Блаватской». Но самым интересным является конечный вывод Ходжсона: отвергнув целый ряд психологических мотивов, которые могли бы заставить Елену Петровну пуститься в такие проделки, он решает, что она была агентом русского правительства и действовала в пользу русских интересов, в доказательство чего и представляет «документ» (опять-таки выкраденный г-ой Куломб из бумаг Елены Петровны). К несчастью для г-на Ходжсона редактор газеты «Pioneer» узнал в этом документе отрывок из перевода Елены Петровны «Путешествие в центральную Азию» полковника Гродекова, который она делала для его газеты. Вероятно, вышла неудачная страница и она выбросила ее в корзину для бумаг, откуда «документ» и попал в руки проницательного следователя.

Я не могу останавливаться далее на подробностях этого процесса; прибавлю только, что он вызвал в свое время со стороны заинтересованных лиц новые расследования на месте, которые опровергли все выводы следователя Ходжсона. Протоколы этих расследований и многочисленные протесты, появившиеся в то время в газетах Индии и Америки, составили целую литературу. Наиболее ценные данные из всех тогдашних расследований были, после тщательной проверки, собраны новым президентом Теософского общества, А. Безант и изданы в 1907 году под заглавием «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости». В этой книге интересующиеся могут узнать правду относительно процесса Куломбов-Ходжсона.

Как бы то ни было, а дело было сделано: клевета была пущена гулять по свету, и люди, стоявшие далеко от истинного положения вещей, долго еще продолжали повторять невежественные обвинения Ходжсона, ровно ничего не понимавшего в восточном оккультизме. Тех же, которые старались вникнуть в дело, чрезвычайно смущал вопрос: отчего ясновидящая Елена Петровна не знала, что готовится против нее заговор? И отчего не спасли ее Учителя, к которым она относилась с такой глубокой преданностью? В ответ на первый вопрос можно указать на тот случай ясновидения, который сестра

Елены Петровны приводит в биографии Е. П. Б.[16] Она сильно беспокоилась за своего сына. Заметив это, Елена Петровна попросила ее помолчать, закрыла глаза и, после нескольких мгновений сосредоточенного внимания, сказала сестре, чтобы она не тревожилась, что сын ее жив. Для ясновидения нужна такая же фиксация внимания, как и для физического зрения. Каждый испытал на себе, как ускользают от человека окружающие объекты, когда внимание его занято одним определенным предметом, а мы знаем, что Елену Петровну в то время занимали чрезвычайно серьезные задачи. И она, конечно, не думала о проделках оставшихся в Адьяре Куломбов. Великодушные люди всегда доверчивы; а когда узнаешь, каких больших размеров была душа у Елены Петровны, становится вполне понятно, что ей не хотелось устремлять свое внимание на мелкие предательства, о которых ее не раз предупреждали. Она просто не останавливалась на них и пользовалась своим ясновидением для более достойных и интересных целей.

Гораздо труднее ответить на второй вопрос, так как он относится к психическим законам высшей ступени сознания, на которой многое проявляется совершенно иначе, чем на нашей низшей ступени, хотя для понимающего закон кармы не трудно догадаться, почему Учитель никогда не пользуется своими высшими силами для изменения человеческой судьбы. Закон кармы учит, что все, происходящее с человеком во время его земной жизни, есть результат им же совершенного в прежних существованиях, есть восстановление им же нарушенного равновесия или справедливости, что одно и то же. Поэтому Адепты Мудрости не считают себя вправе влиять на совершающуюся карму кого бы то ни было своими оккультными силами. В пределах всем доступного человеческого участия и сострадания они могут действовать, и в этих пределах они сделали все, что можно было сделать, предупреждая неоднократно и остававшихся в Адьяре, и уехавшего в Европу Олькотта.[17] Иное вмешательство было бы нарушением духовного Закона, который в «Голосе Безмолвия» выражается так: «Она (стезя отречения) приводит архата к неизреченной душевной печали; печали за „живого мертвеца“[18] и бессильной жалости к страдающему человечеству, подлежащему всем бедствиям кармы; ибо мудрые знают, что плоды кармы не могут быть устранимы». И дальше: «Научай не создавать новые причины; но волне последствий, подобно великой волне прилива, ты не должен ставить преград, дабы завершился ее естественный бег».[19] Прибавлю к этому и еще одно указание: на тех высших ступенях человеческого духа, о которых идет речь, мера, которой

мы меряем события, не имеет значения, и то, что для нас кажется чрезвычайно важным, является совсем не важным там.

Чтобы покончить совсем с этим тяжелым, эпизодом из жизни Е. П. Блаватской, нужно сказать несколько слов о ее поездке осенью 1884 года в Индию, о которой было упомянуто лишь вскользь. Узнав о проделках Куломбов и о поддельных письмах, напечатанных Паттерсоном в «Christian College Magazine», она поехала туда с надеждой привлечь Куломбов и Паттерсона к судебной ответственности, выяснить на суде всю правду и восстановить свое доброе имя. Но ей пришлось еще раз пожертвовать собой. Комитет, состоявший из 24 наиболее уважаемых членов Теософского общества, европейцев и индусов, решил, что иск с ее стороны выдвинет на сцену вопрос о махатмах, и они сами, а также их отношения к ученикам, станут темой для пересудов и насмешек совершенно невежественных в вопросах восточного оккультизма английских судей, а это обстоятельство может оскорбить чувства индусов. Этот мотив был для нее важнее ее личной судьбы и — она покорилась. Необходимо к этому прибавить, что она обрадовалась, когда узнала, что Общество психических исследований посылает в Индию своего поверенного для расследования всего дела на месте, что и выражала в своих письмах. Из этого читатель поймет, до чего неожидан был удар, который ей нанес отчет Ходжсона.

Чрезвычайно важным доказательством вздорности всех обвинений следователя Ходжсона и правоты Елены Петровны служат те овации и знаки уважения и сочувствия, с которыми индусы встретили Елену Петровну, когда она приехала в Мадрас уже после клевет, возведенных на нее Куломбами и Паттерсоном. Если бы в обвинениях следователя была хотя искра правды, индусы должны бы забросать не цветами, как это было в действительности, а камнями ту женщину, которая из личных темных целей надругалась над их священными заветами. Сама идея махатм и сношения с ними имеют для индусов такое высокое значение, что они никогда не простили бы тому, кто сделал из этих сношений повод для подлога и шутовского маскарада, в чем обвиняли Елену Петровну Куломбы и чему поверил Ходжсон.

А между тем, индусы встретили ее со всеми признаками глубокого уважения и в обращенных к ней приветственных речах определяли ее деятельность совершенно иначе, чем лондонский ареопаг ученых; они благодарили ее за «возрождение санскритской литературы, за старания примирить религию с наукой, за пролитие света на потустороннюю судьбу человека, за соединение различных индусских каст в одно братское чувство

взаимной симпатии, за верную передачу арийской Мудрости, которая подвергалась таким искажениям со стороны европейцев».

Нужно думать, что это благодарное отношение индусов принесло некоторое утешение Елене Петровне; но нравственное потрясение было настолько сильно, что она тяжко заболела. Лечивший ее доктор настоял на ее немедленном возвращении в Европу, и друзья перенесли ее в носилках на пароход, который и увез ее навсегда из привлекавшей ее с юных лет «страны чудес». В Европе она, как уже было сказано, избрала тихий Вюрцбург, чтобы без помехи писать «Тайную Доктрину», и прожила сперва в этом немецком городке, а потом в Остенде, вдвоем с гр. Вахтмейстер до своего переселения в 1887 году в Лондон. В Остенде на глазах гр. Вахтмейстер произошло ее третье чудесное выздоровление. Два доктора нашли ее положение безнадежным и только удивлялись, как она могла жить с такими сложными недугами. Ночью с ней началась агония; долго сидела около нее гр. Вахтмейстер, пока не забылась. «Когда я открыла глаза, первые утренние лучи прокрались в комнату и на меня напал страх, что я спала, а в это время Е. П. Блаватская могла умереть… Я с ужасом повернулась к ее кровати, но вместо трупа увидела Е. П. Блаватскую, смотрящую на меня спокойно своими ясными серыми глазами. „Графиня, идите сюда“, сказала она. Я бросилась к ней. „Что случилось? Вы совсем не та, что были ночью!“ — Она ответила: „Да, Учитель был здесь; Он предложил мне на выбор или умереть и освободиться, если я того хочу, или жить еще и кончить „Тайную Доктрину“. Он сказал мне, как тяжелы будут мои страдания и какое трудное время предстоит мне в Англии — я ведь должна буду туда поехать. Но когда я подумала о тех людях, которым мне разрешено передать мои знания и о Теософском обществе, которому я уже отдала кровь своего сердца, я решилась пожертвовать собой“… Окончила она свою речь веселой шуткой, а когда пришли доктор и еще несколько лиц и она встретила их на ногах и завела с ними шутливый разговор, удивление их не знало границ.»[20]

И она «промучилась» еще пять лет, потому что с земной точки зрения тот напряженный труд, который она несла до последнего часа, несмотря на жестокие физические страдания, нельзя назвать иначе, как мученичеством. За эти пять лет многое было сделано: написаны три тома «Тайной Доктрины», из которых два были напечатаны при ней, а третий после ее смерти; написаны: «Ключ к теософии» и «Голос Безмолвия» и множество статей в журнале «Люцифер», который она начала издавать немедленно после водворения в Лондоне. Кроме этого литературного труда, который брал у нее, по показаниям многочисленных свидетелей

последних лет ее жизни, по 12 часов в день, она по вечерам была окружена посетителями, в числе которых было много литераторов и ученых. В это время английский отдел Теософского общества был уже вполне сформирован и по четвергам собиралась первая Теософская Ложа, которая и до сих пор носит название «Ложи Блаватской»; на этих вечерних собраниях всегда присутствовала Елена Петровна, давая ответы на многочисленные вопросы, с которыми члены ложи обращались к ней. К этому же времени относится появление среди теософов, окружавших Елену Петровну, г-жи А. Безант, ставшей после ее смерти главой и сердцем теософского движения.

В мае 1891 года, почти без всякой предупреждающей болезни, Елена Петровна скончалась в своем рабочем кресле, как истинный воин Духа, каким она была всю жизнь. Ее тело было предано сожжению и пепел был разделен на 3 части: одна часть сохраняется в Адьяре, другая в Нью-Йорке, третья оставлена в Лондоне. День ее успокоения чествуется в трех частях света под названием «Дня Белого Лотоса». Теософы всего мира стараются ознаменовать этот день добрыми делами. В Бомбее, Адьяре и Калькутте в этот день дают обеды тысячам бедняков и раздают им Бхагават-Гиту; в Нью-Йорке, Филадельфии и еще в нескольких городах Соединенных Штатов происходит то же самое, но особенно горячо чествуют ее память на Цейлоне, где все население чтит ее имя.

Глава 5. Мировое значение Е. П. Блаватской

Чтобы верно оценить мировое значение принесенных Е. П. Блаватской откровений, необходимо знать, насколько они были нужны и своевременны именно для нашей эпохи, а для этого следует охватить общий смысл всего переживаемого человечеством на наших глазах. Но несчастье современного европейского сознания в том, что оно раскололось на такое множество точек зрения, ничем не связанных между собой, с которых рассматривается и оценивается вся текущая действительность, что прийти к чему-либо общему и согласованному для него чрезвычайно трудно. Необходимость объединения в чем-либо общем — едва ли не важнейшая духовная потребность нашего времени, и хотя две главные системы мысли, одна — приводящая все явление к материальным процессам, а другая — к духовным, и служат известному обобщению, покрывая своим знаменем множество противоречивых теорий и воззрений, но, развиваясь в противоположных направлениях, они раскалывают сознание и неизбежно будут все более удаляться от полноты истины, если не найдется нечто связывающее, какая-либо общая основа, которая примирила бы их и соединила в одну цельную согласованную систему. А между тем, это связывающее нечто существует, и сама европейская наука подошла уже совсем вплотную к тому объединяющему началу, которое пронизывает одинаково и материальную жизнь, и жизнь духовную. Это объединяющее начало, эта скрытая пружина всякой жизни есть эволюция, развитие из простого в сложное, из несовершенного в совершенное, как в мире форм, так и в мире духа, ведущее нас к разумной и благой цели. Приняв одновременную эволюцию формы и жизни за мерило человеческого прогресса, мы сразу поднимемся над всем противоречием современной мысли и станем на такой наблюдательный пост, откуда возможно окинуть весь процесс жизни в его целом.

Если мы захотим отыскать корни всего, что совершается на наших глазах, мы должны искать их очень глубоко, в той древности, которая служила колыбелью нашей расы. В те незапамятные времена, когда арийская раса была еще в своем младенческом возрасте, цивилизация ее достигала чрезвычайной высоты и блеска; об этом все яснее говорят раскопки последних десятилетий. Судя по сохранившимся образцам, не было той

отрасли человеческого творчества, в которой древние народы не достигли бы высокого совершенства. Стоит лишь вспомнить их не поддающиеся времени колоссальные постройки, которые требовали не только знания высшей механики и математики, но еще каких-то знаний, которыми не владеют современные инженеры; или их удивительные водопроводы, превращавшие раскаленную почву юга в цветущие сады. А по научным расследованиям последних лет не только все наши религиозные идеи и символы, но и все мелочи домашнего обихода, до игр и развлечений включительно, все это было уже известно, все это так или иначе проникло к нам с древнего Востока.[21]

Как же объяснить это явление? Ведь несомненно, что те древние народы были родоначальниками нашей расы, несомненно, что в них выразилась ее юность. Как же могли они достигнуть такого совершенства культуры и знать уже в детстве то, что знаем через многие тысячелетия мы, их взрослые потомки? Логика вещей и наблюдения над процессами природы, у которой ничего не пропадает даром и ничто не повторяется на одной и той же ступени, заставляет думать, что те древние цивилизации имели совершенно иные задачи, чем наша современная цивилизация. Учения теософии подтверждают эту догадку; они учат, что земная жизнь всего человечества представляет из себя нечто целое, имеющее одну общую цель: развитие всех сторон сложного человеческого осознания. Для этого дается поле действия — Земля, и на этом поле все отдельные народы, в различные эпохи, путем разнообразных культур, работают — каждый над своей особой задачей, содействуя осуществлению единого, общего для всего человечества разумного плана.

В той древности, где нужно искать корни всего, что мы переживаем в настоящее время, масса человечества была еще в состоянии детства, индивидуальное начало было еще в зачатке, сознание работало смутно и мечтательно, создавая неопределенные мысли, лишенные отчетливых граней, какие бывают у маленьких детей, но зато человечество пользовалось огромным преимуществом: оно действовало под непосредственным наблюдением высоких Руководителей, сверхчеловеческою мудростью и великими знаниями которых и объясняется поражающая нас высокая ступень древних культур. Руководителей этих называют общим именем «Посвященные»; имя это происходит от того, что старший «посвящал» младшего, т. е. передавал ему свои знания, если последний по своим нравственным качествам был достоин вступить в число руководителей юного человечества. В эзотерических преданиях

всех древних народов есть множество указаний на то, что во главе всех отделов общественной жизни стояли именно такие «Посвященные», поднявшиеся над эгоизмом и над личными интересами.

В сущности, мы не имеем никакого представления о тех временах, и лишь смутное воспоминание о них сохранилось в легендах о «золотом веке» человечества. Мы узнаем древние цивилизации, когда они уже заканчивали свою внутреннюю задачу — воспитать юное человечество, когда сохранились лишь внешние формы, которые всегда переживают одушевлявшую их когда-то жизнь. Оттого эти цивилизации производят на нас впечатление дряхлости. Самая раса может быть в общем очень молода, а формы ее жизни будут отжившими, дряхлыми, если они уже сыграли свою роль и их поддерживают искусственно, когда растущая жизнь требует уже новых форм; по той же причине и отдельные народности, которые не ищут новых путей и слишком долго задерживаются на старых, приходят в упадок.

Когда детство арийской расы приблизилось к концу, и на очередь стало развитие личного начала и самостоятельной инициативы, тогда Руководители человечества стали отступать от него все далее, и для него настало время самому создавать свои задачи и осуществлять их по-своему.

В эзотеризме есть выражение: человечество осиротело. Это и означает упомянутый переход к самостоятельному творчеству.

Чтобы могла осуществиться главная цель земного творчества — развитие всех сторон человеческого сознания, потребовалась вся та неоглядная вереница исторического опыта, который выразился в смене господствующих народностей, в насаждении разнообразных культур, в создании различных типов общественного строя. С этим ключом вся человеческая история читается по-новому, и можно догадаться какую задачу пришлось осуществлять и нашей западноевропейской культуре. Она развивала ту сторону сознания, которую вернее всего назвать земной разум, низший манас, она доводила его до полной отчетливости, до совершенства, и напряженностью своих эгоистических задач, и высокими формами своих научных дисциплин отточила аналитическое мышление до полного совершенства.

На заре своей юности наша арийская раса пользовалась непосредственным руководством; мы им не пользуемся, но от времени до времени, когда сознание людей проходит через острые кризисы, когда новые начала жизни вступают в борьбу с отживающим, людям дается высшая помощь в форме разнообразных духовных воздействий, иногда посылаются в мир

ученики с совершенно определенной миссией. Такая миссия была возложена на Елену Петровну Блаватскую в конце истекшего столетия. Если мы оглянемся на ту эпоху, когда Елена Петровна основала Теософское общество, мы увидим все особенности западноевропейской культуры доведенными до своего полного расцвета: благодаря эгоистическому царству капитала и материалистическому строю мышления, внешняя жизнь приняла уродливые формы ожесточенной борьбы за существование, беспощадной конкуренции, взаимной вражды и озлобленности, а в области духа шло постепенное угасание идеала и беспощадное вытравление всякого религиозного начала…

Плоды этого расцвета созрели на наших глазах, мы присутствуем при небывалой еще картине всемирной революции, и на наших же глазах в бездонных глубинах мысли и сердца всего культурного человечества начинается поворот и поднятие на новую ступень сознания. Если представить себе картину европейского будущего в случае, если бы дальнейшее развитие продолжалось по тем же линиям безудержного эгоизма и угашения всех духовных запросов, станет понятным, что никогда не было такой острой нужды в высшем воздействии. В ответ на эту нужду и явилось раскрытие древних тайных учений и основание Теософского общества. Незадолго до этого времени в разных местностях Америки и Европы начали обращать на себя внимание спиритические явления. Спиритизм появился в те годы со своими потрясающими медиумическими феноменами не случайно; он представлял собою тот таран, который пробивал первую брешь в сознании, он должен был расшатать заполонивший умы материализм и заставить людей задуматься. И мы видим, какой общий переполох в общественном мнении и какую тревогу среди ученых вызвали в то время явления спиритизма. Вера в существование одного лишь физического мира была расшатана. Но этого было мало. Вся жизнь требовала перестройки, а внешнему строительству должно предшествовать внутреннее преображение. Последнее же требует веры, энтузиазма, высокого идеала. Религиозные идеи, выросшие на европейской почве, оторванные от жизни и науки, были бессильны повлиять на сознание. Необходим был приток новой духовной энергии. Такой энергией проникнуты эзотерические учения древних Посвященных, которые вдохновляли творчество всех античных арийских народов. Раскрыть впервые их тайный смысл выпало на долю русской женщине.

И, как и следовало ожидать, ее миссия вызвала к себе внимание во всем мире, вплоть до американского Трансвааля, прежде, чем ее признали на родине. А между тем, нигде жажда

духовного обновления не чувствуется с такой глубокой искренностью, как у нас, и может быть ни у кого нет такой органической духовной связи с древней Индией, как у русских. Лучшие русские люди были всегда идеалисты, а древняя Индия вся проникнута высоким идеализмом своей чистой, пламенной, безбрежной религиозной философии.

Если вдуматься в те три главные цели, которые основательница Теософского общества поставила на его знамени, мы найдем в них поразительное соответствие главным духовным нуждам нашего времени. Мы исстрадались от вражды партий, классов и народов; теософия ставит на своем знамени всеобщее братство без различия национальности, религии и касты. Мы жаждем примирения между мыслью и сердцем, слияния идеала с действительностью. Теософия приносит нам научно-религиозный синтез древнего Востока, в котором все стороны человеческой жизни, и материальной, и духовной, представляют нечто цельное, неразрывно связанное единством религиозного сознания. Мы переросли наши психологические понятия, усложнившаяся душевная жизнь современного человека требует новых приемов воспитания, новых методов внутренней культуры. Теософия дает нам совершенно новую для европейского сознания психологию, опытно проверенную и научно обоснованную на законе духовной эволюции.

В состоянии ли теософия выполнить свои обещания? Ответом на это служит более чем 30-летнее существование Теософского общества. Такая проверка уже давно обнаружила бы ее несостоятельность; но союз теософов продолжает крепнуть и расти, несмотря на то, что он не имеет никаких внешних форм, никаких догматов, ничего — с обыденной точки зрения — завлекательного, даже не требует никаких обетов; невидимая духовная связь, соединяющая ее членов, оказывается настолько крепкой, что в состоянии связать в одну семью людей различных национальностей, говорящих на разных языках, принадлежащих к различным религиям и культурам. Другим ответом на тот же вопрос служит большая, блестящая теософская литература, имеющая своих талантливых представителей во всех странах мира, хотя прошло еще так немного времени с тех пор, как Е. П. Блаватская заложила фундамент этой литературы двумя своими трудами, написанными на английском языке: «Разоблаченная Изида» (изд. в 1877 г.) и «Тайная Доктрина» (в 1888 году).

В чем же сила теософии? Приносит она новую религию или, как некоторые думали, вводит к нам в замаскированной форме буддизм?

Сила теософии в том, что она дает сокровенные учения

древних, Мудрецов, знания которых обнимают весь цикл эволюции нашей расы до конца. Вот почему она в состоянии дать ответы на все запросы нашего современного сознания, вплоть до мучительных загадок жизни и смерти, которые стояли до сих пор неразрешенными перед человеческим сознанием. Я не могу вдаваться в изложение самих учений, но могу указать интересующимся на обширную теософскую литературу, которая разрабатывает со всех сторон отдельные положения древней Мудрости: дав себе труд и время, читатель имеет полную возможность проверить мои слова. Прибавлю лишь несколько слов для тех, которые — по недоразумению — могут подумать, что теософия зовет человечество назад, в его младенческое состояние.

Да, она зовет его назад, но только в том смысле, в каком каждый человек возвращается к тем высоким истинам, которые он в детстве воспринимал бессознательно, от которых в молодости отступал потому, что они были слишком глубоки для него, которые позднее пропускал через критическую оценку, а в зрелом возрасте принимал уже сознательно и добровольно. Каждый законченный эволюционный цикл обегает такой полный круг, и наше сознание близится к тому, чтобы обойти свой полный круг и, после огромного опыта, растянувшегося на многие тысячелетия, прошедшего через многие цивилизации, через восхождения и падения, расцвет и утомление, — повернуть назад к исходной точке своего отправления и слиться с ней, но уже сознательно и добровольно.

В заключение, мне хотелось указать на те результаты миссии Е. П. Блаватской, которые успели уже обнаружиться. За последние два десятилетия все интересующиеся Индией наблюдают различные признаки пробуждения среди коренного населения Индии и небывалое прежде стремление к объединению. Совершенно не причастные к теософии наблюдатели, стоящие на противоположном полюсе мысли, и те соглашаются, что в основе современного движения в Индии лежит недавно возникшая тенденция к религиозному объединению. В жизни Индии религия играла всегда первенствующую роль; множество сект и подразделений, на которые разбились шесть основных религиозных систем браманизма, и распадение буддизма на северный и южный отделы поддерживали дух разъединения и в среде индусов. Поворот к единству и толчок к внутреннему возрождению, о котором сейчас упомянуто, был дан впервые Е. П. Блаватской, ее обнародованием общего всем расколовшимся религиозным верованиям единого эзотерического начала и ее энергичной пропагандой — совместно с Генри Олькоттом —

религиозного объединения Индии. Покойный президент Теософского общества был выдающийся организатор; он чрезвычайно удачно работал среди индусов в пользу названного объединения, создал много школ, где обучение велось в том же духе, собрал множество драгоценных манускриптов, которые благодарные индусы не переставали приносить в дар теософской библиотеке, и неутомимо популяризировал красоту и высокий идеализм древних религиозных учений Индии.

Подъем религиозного сознания, который был вызван этим непривычным для индусов любовным вниманием к их духовным сокровищам, продолжается и до сих пор, а за последние годы возрождение древнеиндусской самобытности приняло очень широкие размеры благодаря неутомимой деятельности настоящего президента Теософского общества г-жи Безант; ее стремления направлены к тому, чтобы положить в основу воспитания индусского юношества лучшие заветы древней Индии, и с этой целью она создала несколько колледжей, в которых индусские юноши знакомятся с неисчерпаемыми богатствами древнеарийской религиозной мысли.

Возрождение древнего Востока и пробудившийся на Западе интерес к его духовным сокровищам сыграет великую роль в ближайшем будущем и поможет человеческому сознанию подняться на высшую ступень.

Трудно даже представить себе все последствия, которые могут произойти от слияния широких объединяющих идей древнего Востока с точным анализом европейского Запада, его высокого научного развития с глубиной религиозного сознания древности.

Начало этого слияния совершается на наших глазах благодаря эзотерическим учениям, которые Е. П. Блаватская принесла западному миру, как дар от древнего Востока.

Учения эти, которые на современном языке вернее всего назвать религиозно-научным синтезом, приводят в гармонию все стороны человеческой жизни, согласуя материальные задачи человека с его духовными запросами.

А кто станет отрицать, что самая повелительная задача нашего времени, от верного решения которой зависит все будущее человечества, есть приведение в гармонию этических проблем с проблемами социальными, нравственного идеала человека с его жизненной практикой?

Вся сила теософии и состоит в том, что ее учения в состоянии разрешить эту задачу, не убивая земных интересов. Теософия должна стать впереди человеческий мысли потому, что она соединяет в себе всю полноту опыта современного Запада и

древнего Востока, полный круг сознания арийских народов, как религиозного, так и научного, дающего в соединении — Мудрость.

Если спросят, почему именно Е. П. Блаватская была избрана для такой высокой миссии? Потому, что она одна из всех современников обладала соединением той тонкой психической организации, которая необходима для общения на высших ступенях сознания, и тех нравственных качеств, без которых великие духовные задачи не могут быть доведены до конца. Она обладала исключительной отзывчивостью на духовные влияния и в то же время могучей волей и необыкновенной силой терпения; пламенный энтузиазм и преданность идее, которой она служила, соединялись в ней с безграничным самоотвержением; вот что давало Елене Петровне Блаватской право на ее высокое полномочие и на глубокую благодарность всех, кто знал и понимал ее.

Е. П.

notes

Примечания

1

Биографический очерк опубликован в 1909 г. — *Прим. ред.*

2

Приведенная выдержка из этого письма напечатана в книге А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости», Лондон, 1907.

3

Р. А. Фадеев, артиллерийский генерал, был видным деятелем в славянских землях и известным военным писателем семидесятых и восьмидесятых годов. Оставил по себе память глубоко образованного, остроумного и привлекательного человека.

4

Передаю этот эпизод, за неимением подлинника, по английскому переводу книги В. П. Желиховской, выдержки из которой помещены в октябрьской книжке журнала «Теософист» за 1935 г.

5

Даты позаимствованы мной из книги А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости», 1907 г.

6

Гр. Вахтмейстер привела интересную подробность этого путешествия: так как чужестранцы не могли проникать внутрь страны, то явившиеся за ней в Дарджилинг индусы положили ее в повозку, закрыли сеном и под таким покрытием повезли.

7

Родственницы Е. П. Блаватской ответили на мой запрос, что кн. Голицын действительно бывал часто у Фадеевых перед замужеством Елены Петровны, но был ли он оккультистом — этого они не знают, хотя прибавляют, было вполне возможно.

Подлинник этого документа со всеми подписями хранится в библиотеке Адьяра.

9

О том, как сильно Е. П. Блаватская страдала от физических шумов, хорошо известно ее ближайшим ученикам.

10

Млеччха.

11

«Русское Обозрение», 1891 г.

Кроме личных воспоминаний граф. Вахтмейстер, в ее книге приложены отзывы 6 знавших Е. П. лиц.

13

«Воспоминания о Е. П. Блаватской графини Вахтмейстер», London, 1893, стр. 25–26.

14

Лэн Фокс поместил в «Таймс» 9 октября 1884 г. письмо, опровергающее возведенные на Е. П. Блаватскую обвинения.

15

Знающие Куломбов говорят о большом сходстве почерка мужа Куломб с почерком Е. П. Блаватской.

16

«Русское обозрение», ноябрь, декабрь 1891 г.

17

См. рассказ В. П. Желиховской о письме к Олькотту, «Русское обозрение», 1891 г.

18

Не пробужденный духовно человек.

19

См. «Голос Безмолвия».

20

«Воспоминания о Е. П. Блаватской графини Вахтмейстер», стр. 75, 76.

21

Это — утверждение не только теософов, но и представителей позитивной науки; так проф. Виппер высказал как раз эту уверенность в своей публичной лекции в Москве 2 ноября 1906 г. Лекция эта напечатана в отдельной брошюре под заглавием «Свет с Востока».